

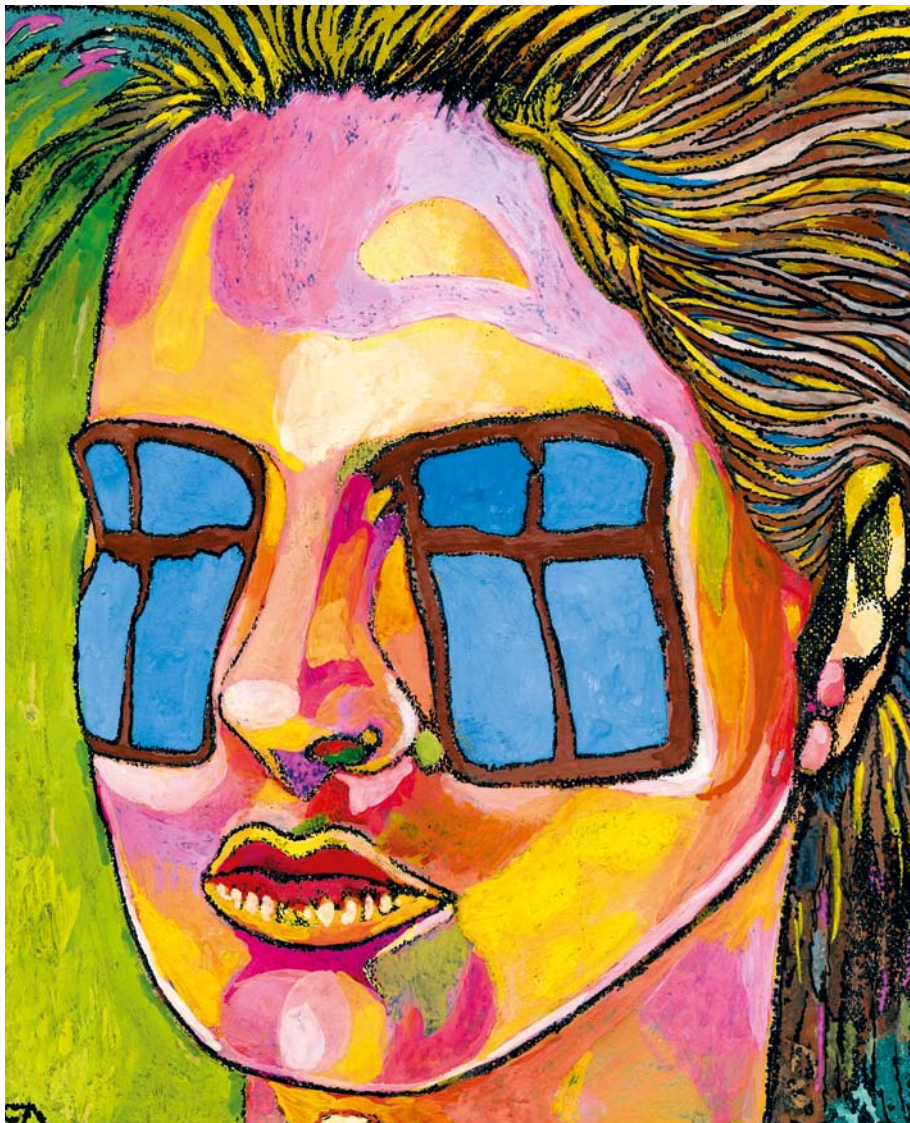
Орден
Знак
Почета

СМЕНА

№4 АПРЕЛЬ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ

2011

© издание ёфицировано

Уважаемые читатели!

С июля 2011 года журнал «Смена» и литературно-художественное приложение к журналу становятся единым изданием, объёмом 192 страницы.

Во втором полугодии 2011 года на страницах журнала вы сможете прочитать лучшие детективы, остросюжетные романы и повести российских и зарубежных авторов, рассказы самых интересных молодых писателей. Мы продолжим публикацию незнакомых большинству наших читателей произведений отечественной прозы XIX и XX веков. В портфеле очерки о великих художниках и судьбах созданных ими шедевров, материалы о ярких судьбоносных событиях отечественной и мировой истории. Мы планируем печатать материалы о невероятных и удивительных фактах и явлениях окружающего нас мира. С нами продолжают сотрудничать ваши любимые авторы: Светлана Бестужева-Лада, Денис Логинов, Елена Логунова, Анна и Сергей Литвиновы, Ирина Опимах, Сергей Чекмаев, Евгения Гордиенко, Екатерина Пименова, Варвара Клюева...

Вы можете подписаться на журнал «Смена» со второго полугодия 2011 года в любом отделении почтовой связи по следующим каталогам:

КАТАЛОГ «ГАЗЕТЫ ЖУРНАЛЫ АГЕНТСТВА «РОСПЕЧАТЬ»		Индекс 71518 — льготный — для пенсионеров, инвалидов и ветеранов Индекс 70820 — для остальных подписчиков
КАТАЛОГ РОССИЙСКОЙ ПРЕССЫ «ПОЧТА РОССИИ»		Индекс 99406 — для всех подписчиков
ОБЪЕДИНЁННЫЙ КАТАЛОГ «ПРЕССА РОССИИ»		Индекс 88998 — для всех подписчиков

<i>НАМ ПИШУТ</i>	3
<i>МИНУВШЕЕ</i> Скандал в благородном семействе Светлана Бестужева-Лада	4
<i>НЕИЗВЕСТНОЕ ОБ ИЗВЕСТНОМ</i> Последний процесс Кафки Денис Логинов	18
<i>РАССКАЗ</i> Синестетик Екатерина Постникова	28
<i>ШЕДЕВР</i> Великая «Троица» Ирина Олимах	36
<i>КОНКУРС ОДНОГО СТИХОТВОРЕНИЯ</i> Мария Агафонова	45
<i>РАССКАЗ</i> Хвостик Валерий Володченко	46
<i>ДЕТЕКТИВ</i> Вкус золота Наталья Солдатова	62
<i>КРОССВОРД, ЭРУДИТ</i>	108

СМЕНА

Главный редактор

Михаил Григорьевич Кизилев

Заместитель главного редактора

Тамара Васильевна Чичина

Выпускающий редактор

Светлана Викторовна Гуркина

Арт-директор

Валерий Иванович Харламов

Корректор

Юлия Борисовна Воронова

Обложка и иллюстрации

Лев Рябинин

ООО «ЖУРНАЛ «СМЕНА»

Генеральный директор

Дмитрий Юрьевич Мережко

Главный бухгалтер

Любовь Александровна Бижко

Директор по распространению

Мария Александровна Яркина, e-mail: sales@smena-online.ru

Менеджер по партнерским программам

Кристина Александровна Бурякова, e-mail: k.buryakova@smena-online.ru

Офис-менеджер

Людмила Николаевна Калинина

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:
Общество с ограниченной
ответственностью
«Издательский дом журнала
«Смена».

Адрес редакции и издателя:
127994, Москва,
Бумажный пр., д. 14
e-mail: jurnal@smena-online.ru
тел. (495) 612-15-07,
факс (499) 257-13-78

www.smena-online.ru

© ООО «Журнал «Смена»

Исключительные права на текстовые и фотоматериалы, публикуемые в журнале «Смена», принадлежат ООО «Журнал «Смена» и охраняются в соответствии с законодательством РФ и международными соглашениями.

Шрифт: ParaType

Макет:

Екатерина Балеевская

Отпечатано ОАО ордена Трудового
Красного Знамени

«Чеховский полиграфический
комбинат»:

142300 МО г. Чехов,
ул. Полиграфистов д.1
Тираж – 14 000 экз.
Зак. №1113
Цена свободная
Номер подписан в печать:
21.03.2011

Уважаемая редакция журнала «Смена»!

Пишу вам, чтобы рассказать и напомнить читателям, что есть у нас трудная и, к сожалению, редко упоминаемая профессия — шахтёр.

Сейчас я живу в городе Кисловодске, но долгое время проработал на шахте. Есть такая шахта «Глубокая бис», где шахтёры рубят уголёк на 1000-метровой глубине. Температура внутри добычных штреков не опускается ниже сорока градусов, вентиляция затруднена, кислорода не хватает, уклон забоя до 30 градусов. Но шахтёры такие сложные пласты не бросают — упорно врубаются в сверкающий под лучами коногонок уголь. Теперь, в век механизации, на многих производствах используются роботы и автоматизированные системы. Но на этой шахте они не использовались по ряду причин. Так что в забое трудятся упорные и бесстрашные люди, их называют ГРОЗ (горнорабочий очистного забоя). Бесстрашные потому, что слишком часты на шахте несчастные случаи.

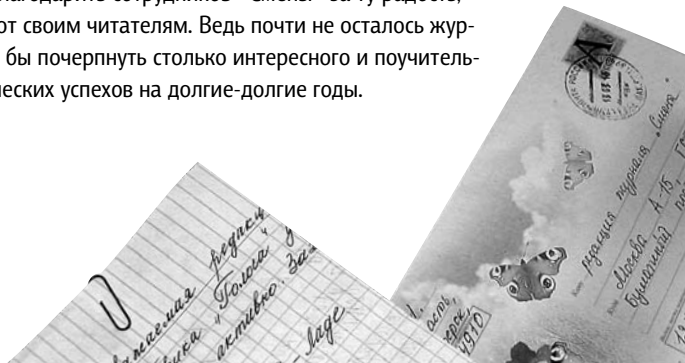
Как-то в нашу смену запланировали палить нишу. Просверлили отверстия в угле, и взрывники заложили динамит и запалы к нему. Прозвучала предупреждающая сирена, и мы вышли на штрек в безопасное место. Грохнул взрыв, а когда дым рассеялся, мы вернулись на рабочее место. И тут прозвучал неожиданно ещё один взрыв, раздались крики о помощи. Из обрушенного угля мы вытащили взрывника и срочно отправили его на-гора. Как оказалось, один из зарядов не взорвался при основном подрыве. Так человек на всю жизнь остался калекой.

Однажды на шахте произошёл взрыв метана, погибли двенадцать человек, а шахту остановили на целый месяц. Когда у директора спросили, почему бы не закрыть опасную шахту, он ответил, что работа на ней даёт гарантированный заработок тысяче человек. Куда они пойдут работать? Наверное, поэтому и сейчас у дверей отдела кадров целая очередь рабочих парней, желающих работать на шахте.

Вот такая у нас нелёгкая и опасная профессия. Хотелось, чтобы люди знали об этом.

А ещё хотелось бы поблагодарить сотрудников «Смены» за ту радость, которую они доставляют своим читателям. Ведь почти не осталось журналов, где можно было бы почерпнуть столько интересного и поучительного. Желаю вам творческих успехов на долгие-долгие годы.

Анатолий Поликирский

Паскаль-Адольф-Жан Даньян-Бувре. *Портрет графини Гогенфельзен*

СКАНДАЛ В БЛАГОРОДНОМ СЕМЕЙСТВЕ

Светлана Бестужева-Лада

Довольно чахлое в середине XVIII века деревце семейства Романовых спустя полтора десятка лет превратилось в невероятно разветвлённое и мощное дерево. Благодарить за это нужно прежде всего вторую супругу императора Павла, чадолубивую Марию Фёдоровну, которая родила десятерых детей, причём девять из них дожили до брачного возраста. И несмотря на то что два её старших сына не оставили потомства, двое младшеньких исправили их ошибку. У Николая Павловича было семеро детей, у Михаила Павловича — пятеро. В свою очередь, у старшего сына Николая Павловича Александра было девять детей, и все обзавелись семьями.

Понятно, что в таком большом семействе и скандалов было предостаточно. Но то, что учинил младший сын императора Александра Второго Павел Александрович, потрясло даже привычных ко всему

Романовых. Скандал был грандиознейший, а последствия его — малоприятные.

Но обо всём по порядку...

Шестой сын императора Александра Второго Павел родился в 1860 году и был последним ребёнком августейшей четы — врачи запретили императрице рожать. Отец из-за этого относился к младшему сыну с некоторой неприязнью, ибо он стал причиной прекращения нормальных супружеских отношений, а мать баловала его больше, чем всех остальных детей.

Первоначально жизнь Павла Александровича ничем не отличалась от жизни других великих князей: первый военный чин он получил ещё при рождении, так что к моменту своей женитьбы был уже полковником и признанным дамским любимцем.

По отзывам современников, великий князь Павел Александрович был самым симпатичным из четырёх братьев, во всяком случае, заносчивость и высокомерие в нём полностью отсутствовали. Он хорошо танцевал, пользовался успехом у женщин, и беззаботная жизнь кавалерийского офицера его вполне удовлетворяла, он никогда не занимал ответственных постов.

В 1889 году, уступив настояниям царствовавшего племянника Александра Третьего, Павел женился на восемнадцатилетней греческой принцессе Александре, которая приходилась ему двоюродной племянницей. Тонкая, золотоволосая, очаровательная принцесса с детства была любимицей матери Павла, так что о другой невесте он, собственно говоря, никогда и не помышлял. Но императрица Мария Александровна не смогла благословить этот брак — она скончалась за девять лет до него. Новобрачных благословила новая императрица, Мария Фёдоровна.

Всё предрекало этой паре долгую и безоблачную жизнь, полную радостей и развлечений. Рождение дочери Марии через год после свадьбы только укрепило брачные узы.

Но, увы, судьба порой бывает несправедлива. Вторая беременность закончилась преждевременными, на седьмом месяце, родами и смертью молодой матери. Врачам не удалось

спасти жизнь великой княгини, а недоношенного сына Дмитрия спасли с огромным трудом.

Спустя некоторое время совершенно раздавленный пережитой трагедией великий князь Павел Александрович уехал за границу. Дети остались на попечение бонн и нянек, ни в чём не знали отказа, их баловали все члены огромной семьи Романовых (и прежде всего императорская чета), но...

Но только сам отец нечасто видел своих детей. Как вспоминала впоследствии его дочь, «отец редко расточал нам свои ласки». Гораздо больше тепла и заботы они получали от своей тётки, великой княгини Елизаветы Фёдоровны — супруги старшего брата отца. Елизавета Фёдоровна, «тётя Элли», была бездетна и всем сердцем привязалась к двум сироткам.

Спустя два года Павел Александрович встретил женщину, в буквальном смысле слова перевернувшую всю его жизнь и положившую конец относительному спокойствию семейства Романовых. В доме своего брата, великого князя Владимира Александровича, он увидел невероятно обворожительную Ольгу Валериановну Пистолькорс, предмет обожания хозяина дома и одновременно близкую подругу его жены.

В высшем свете тогда блистало множество дам, так что ничего удивительного в подобной встрече не было. Поразительно другое: Ольга Валериановна не имела никакого права бывать в этом самом свете, так как являлась всего лишь супругой полковника конной гвардии Эриха Герхарда фон Пистолькорса, которого даже на придворные балы не приглашали. Но такова уж была мадам Пистолькорс — невозможных вещей для неё не существовало в принципе.

Оленька, дочь действительного статского советника и камергера Валериана Гавриловича Карновича, в детстве ничем не отличалась от своих сверстниц: прилежно училась, запоем читала модных авторов, сама писала незатейливые стихи, прилежно осваивала музыку и танцы. При этом Лёля (так называли девочку родные) отличалась редким тактом и чувством собственного достоинства, что позволяло ей без труда завоёвывать сердца и кавалеров, и дам.

Кто знает, о чём грезило это юное создание, какие честолюбивые планы лелеяло в душе! Но в неполные двадцать лет её выдали замуж за поручика конной гвардии, обрусевшего

*Великий
князь Павел
Александрович
и его жена,
греческая принцесса
Александра*

шведа фон Пистолькорса, а через три года она была уже матерью троих детей. Впрочем, это не повлияло ни на её фигуру, ни на её амбиции: приёмы, которые устраивала Ольга Валериановна, славились своей изысканностью и придирчивым отбором приглашённых.

Каким ветром занесло в кружок «милейшей Ольги Валериановны» дядюшку молодого императора Александра Александровича, командующего царской гвардией великого князя Владимира Александровича, остаётся загадкой. Но это знакомство произошло, и великий князь был совершенно очарован прекрасной полковницей. Невероятно, но очарована ею оказалась и его супруга, великая княгиня Мария Павловна.

Михень, как её именовали близкие люди, претендовала на роль первой дамы России и с великолепным апломбом игнорировала факт существования настоящей, царствующей императрицы. Гордая великая княгиня не только приглашала ма-

дам фон Пистолькорс на чаепития в своё роскошное палаццо на Дворцовой набережной, но и не гнушалась наносить ответные дружеские визиты.

Естественно, подобное знакомство чрезвычайно высоко подняло полковницу в глазах окружающих её людей. Мало того, именно ему обязан стремительным восхождением по карьерной лестнице самый покладистый из мужей, Эрих фон Пистолькорс. Он словно бы не замечал роскошных туалетов и драгоценностей, которые его супруга никак не могла приобрести на скромное жалование полковника, не видел, как на блестящих раутах в его тоже достаточно скромном доме собираются все сливки великосветского общества Петербурга.

«Проглядел» полковник и то, что с некоторых пор постоянным гостем на этих раутах стал не так давно овдовевший великий князь Павел Александрович. Он приезжал обычно вместе с племянником, тогда ещё наследником престола, цесаревичем Николаем и двоюродным братом, великим князем Константином Константиновичем, которые впоследствии стали называть Ольгу Валериановну «мама Лёля».

Павел не на шутку увлёкся прекрасной полковницей. И немудрено: она прекрасно пела, почти профессионально играла на фортепьяно, была в курсе всех литературных новинок, могла поддержать в непринуждённой манере любой, даже самый сложный разговор. Всё это, разумеется, притягивало тонкого и романтического Павла Александровича.

Роман долгое время оставался платоническим, а вот в декабре 1896 года у Ольги Валериановны родился сын Владимир, в котором без труда угадывалась романовская порода. Потом появились и две прелестные девочки — Ирина и Натали.

Увы, они все носили фамилию фон Пистолькорс, поскольку с точки зрения церкви адюльтер не был веским поводом для развода. Хотя обманутый муж вовсе не цеплялся за своё потерянное счастье — он давным-давно понял, что его жена предназначена для куда более высокого удела, нежели положение первой полковой дамы. Только в 1901 году, благодаря усиленным хлопотам многих высокопоставленных лиц перед Святым синодом, «мама Лёля» обрела долгожданную свободу от супружеских уз. А заодно и от трёх детей, рождённых в браке, —

об их существовании она вспоминала крайне редко, зато обожала своих трёх незаконнорождённых малюток.

Сама «мама Лёля» изменилась до неузнаваемости: помолодела, похорошела и, несмотря на три беременности, постройнела. Но даже не это выводило из себя светских красавиц, неудержимо терявших красоту и молодость, а драгоценности, в которых выезжала в свет «несчастливая разведёнка». Фамильные драгоценности Романовых...

В этой семье удивить кого-либо внебрачной связью было невозможно. Исключение составляли, пожалуй, лишь уже покойный император Александр Третий да нынешний император Николай Второй: оба обожали своих жён и даже не смотрели на других женщин. Остальные Романовы вряд ли представляли себе, что существует такое понятие, как «супружеская верность». Но иметь любовницу (или даже любовниц) — одно дело, а открыто показываться с ней в свете — это уже скандал.

Хотя Павел Александрович и был вдовцом, он всё равно нарушал негласные законы царской семьи, ибо её представители, тем более великие князья, не могли жениться на неравнородных, то есть не принадлежавших к одному из правящих родов Европы, а особенно на разведённых. Более того, разведённые женщины, вне зависимости от происхождения, автоматически лишались доступа к императорскому двору. Но влюблённый как мальчишка великий князь забыл, казалось, все светские правила, всюду появлялся со своей «чаровницей» и наконец открыто поселил её в своём доме.

Романовы молчали, но это очень походило на затишье перед бурей. Детей Павла Александровича окончательно забрала к себе их опекунша, «тётя Элли», супруга теперь уже московского генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича. Да они и сами отказывались встречаться с отцом, который предпочёл им других своих детей от чужой женщины. Дмитрий и Мария почти с радостью переехали в Первопрестольную, чем несказанно обрадовали свою незаконную мачеху, хотя та умело это скрывала и от посторонних глаз, и от возлюбленного.

Но тучи собирались, и скандал готов был разразиться нешуточный. Он и разразился, причём совсем не по тому поводу, который мог бы быть. И виновницей скандала была

не «мама Лёля», а её блестящая подруга, великая княгиня Мария Павловна, надменная и властная Мишень.

Она и с прежней императрицей не очень-то считалась, а на ныне царствующую Александру Фёдоровну вообще считала себя вправе смотреть сверху вниз...

Как-то, подчиняясь очередному капризу, Мария Павловна пригласила «милейшую Ольгу Валериановну» в театр, в ложу императорской семьи. «Мама Лёля» не посмела отказаться, хотя понимала всю опрометчивость этого поступка...

На следующий же день великий князь Владимир Александрович, грозный шеф гвардии, получил от племянника, государя Николая Александровича, следующее резкое письмо:

«Моя жена и я считаем случившееся вчера совсем неприличным и надеемся, что такой случай в той или другой царской ложе больше не повторится! Мне было в особенности обидно то, что Вы сделали это без всякого разрешения с моей стороны. При Папа ничего подобного не случилось бы... Не забывайте, что я стал главой семейства и что я не имею права смотреть сквозь пальцы на действия кого бы то ни было из членов семейства, которые считаю неправильными или неуместными. Более чем когда-либо необходимо, чтобы наше семейство держалось крепко и дружно... И Тебе бы первому следовало мне в этом помогать...»

*Павел Александрович
с морганатической супругой
Ольгой Валериановной Пистолькорс*

Великая княгиня Мария Павловна

Надо же, «милый племянник Ники», обычно кроткий и вежливый с дядюшками, позволил себе резко одёрнуть одного из них. Супруга получила от Владимира Александровича жесточайший нагоняй, досталось и братцу Павлу. Великой княгине, нарушительнице спокойствия, пришлось писать императору пространное письмо с извинениями, которое, впрочем, мало помогло. Гроза над «сладкой парочкой» разразилась со всей силой.

Пришлось прибегнуть к излюбленному российскому способу укрываться от монаршего гнева — бежать из России. Сначала —

в Мюнхен, где мадам Карнович (вернувшая себе после развода девичью фамилию) каким-то чудом получила для себя и своего незаконного потомства пышный титул графини Гогенфельзен. И сочла это только хорошим началом, причём убедила в этом и своего невенчанного супруга.

Невенчанного... Эта мысль просто не давала ей покоя. Ласками и уговорами она увлекла великого князя в романтическое путешествие по Италии: Неаполь, Милан, Турин, Ливорно. Титулованную чету везде принимали по-царски, не вдаваясь в российские тонкости и подробности. А в октябре 1902 года в Ливорно в небольшой греческой церкви состоялось скромное венчание.

В России об этом тут же узнали. Николай Второй писал матери Марии Феодоровне из Ливадийского дворца:

«Я узнал об этом от Плеве из Петербурга, а ему сообщила мать мадам Пистолькорс. Несмотря на источник такого известия, я желал проверить его и телеграфировал дяде Павлу.

На другой день я получил от него ответ, что свадьба совершилась и что он пишет мне. Через десять дней это письмо

пришло... Дядя Павел заранее решил провести своё решение в исполнение и всё приготовил, чтобы остаться надолго за границей. Ещё весной я имел с ним крупный разговор, окончившийся тем, что его предупредил о всех последствиях, которые его ожидают, если он женится... К всеобщему огорчению, ничего не помогло. Как всё это больно и тяжело и как совестно перед всем светом за наше семейство!»

Императорская чета всегда стремилась продемонстрировать святость и нерушимость брачных уз и поощряла добродетельное поведение, а не сомнительные авантюры. Так что последовало жестокое и примерное наказание: дядюшка Павел Александрович был лишён всех своих офицерских званий, отчислен со службы, ему был категорически запрещён въезд в Россию.

Надо сказать, что провинившиеся не слишком переживали по поводу своей опалы: Павел Александрович знал, что его племянник, в сущности, добрый и бесхарактерный человек, и если запастись терпением... В конце концов, даже императрица не может гневаться вечно, смягчится и она. Да и жизнь в Париже была, в общем-то, приятным наказанием: морганатическая чета не нуждалась в деньгах и вела блестящую светскую жизнь.

Павлу Александровичу действительно довольно скоро было разрешено приехать в Россию. Только причина для этого была трагичной: от бомбы террориста в 1905 году погиб великий князь Сергей Александрович. Нельзя же запретить приехать на похороны его родному брату.

Встретившись с опальным дядюшкой, император обнял его и сказал, что «больше на него не сердится». Если бы Павел Александрович запасся терпением, наверняка всё уладилось бы мирно и ко всеобщему удовлетворению. Но тот с чрезмерной настойчивостью стал просить племянника-императора «узаконить уже заключённый брак, чтобы положение троих его детей, рождённых в этой связи, не было фальшивым...»

В ответ было получено сухое и холодное письмо — от личной встречи император отказался наотрез.

«...Во всяком случае, за мною остаётся право решения вопроса о времени, когда тебе разрешено будет приехать сюда с женою. Ты должен терпеливо ожидать, не забегая вперёд. Позволив тебе сейчас приезжать в Россию время от времени, я желал этим дать утешение твоим детям видеться с тобою. Они потеряли

*Великий князь
Владимир Александрович*

в дяде Сергее, в сущности, второго отца. Не забудь, что ты покинул их лишь для личного своего счастья».

(Замечу, что о покинутых детях от первого брака Ольги Валериановны все благополучно забыли. Не удалось отыскать никаких сведений о дальнейшей судьбе троих Пистолькорсов-младших, равно как и о дальнейшей судьбе их отца — обманутого и брошенного мужа.)

Естественно, Павел Александрович отказался появляться на родине без жены, хотя бы ради встреч с детьми. Они давным-давно стали для него чужими, к тому же после гибели Сергея Алек-

сандровича опеку над «сиротами при живом отце» взяли на себя император и императрица.

Впрочем, непреклонными в деле «morganaticкого брака великого князя Павла Александровича» оставались только три человека: сам император, его супруга и вдовствующая императрица Мария Феодоровна. Остальные члены семьи Романовых уже усиленно хлопотали о прощении проштрафившегося родственника.

Неумолимо надвигалась Первая мировая война. Тут уж было не до мелочных обид и радении о сохранении чистоты крови. В 1913 году morganaticкая чета вернулась в Петербург, а великий князь Павел Александрович — на военную службу, причём все его звания, должности и награды были ему возвращены.

В роскошном царскосельском палаццо обворожительная графиня Гогенфельзен принимала, как и в прежние времена, цвет петербургского общества. Она устраивала музы-

кальные вечера, спектакли в пользу детей-сирот и бедных вдов, щедро жертвовала на благотворительность. Ей так хотелось стать полноправным членом царской семьи, а не «блестительной парвеню»...

К тому времени война уже грянула, и все мелочные, тщеславные заботы отошли в сторону. Великий князь Павел Александрович принял командование Первым гвардейским корпусом. Ольга Валериановна занялась устройством в своём дворце лазарета, подражая в этом императрице. Вместо туалетов и бриллиантов она теперь покупала медикаменты и инструменты для санитарных поездов. А вместо музыкальных вечеров посещала заседания Комитета помощи жертвам войны и перемещённым лицам, который возглавляла её императорское высочество цесаревна и великая княжна Татьяна Николаевна.

В эти совершенно новые для себя занятия она вкладывала обычные для неё энергию, напор, щедрость и неутомимость. И это было оценено по достоинству — сначала цесаревной Татьяной, а затем и обеими императрицами — царствующей и вдовствующей. Доселе непреклонные, они смягчились, уговорили государя-императора сменить гнев на милость, и многолетний скандал в благородном семействе Романовых получил счастливую развязку.

В 1915 году «мама Лёля», Оленька Карнович, Ольга Валериановна фон Пистолькорс, графиня Гогенфельзен стала княгиней Палей. Именным императорским указом она и её дети от морганатического брака с великим князем Павлом Александровичем получили, наконец, русский княжеский титул, передающийся по наследству, и признание семьи.

Вскоре после получения жалованной княжеской грамоты княгиня Палей была впервые приглашена на семейное чаепитие ко вдовствующей императрице, а затем состоялась и встреча с государыней Александрой Фёдоровной. В конце аудиенции княгиня Ольга Валериановна преподнесла её величеству на память о встрече тоненький сборник стихов своего сына в изящном переплёте. А несколько дней спустя Александра Фёдоровна в одном из писем императору на фронт заметила: «...очарована прелестью строк юного князя-стихотворца

и часто перечитываю подаренную книгу... Жена Павла была очень мила...»

Теперь княгиня Палей встречала благожелательный приём и в императорском дворце. Она достигла всего, о чём мечтала. И тут грянул 1917 год...

Императорская семья (то есть сам император, императрица и их дети) была арестована ещё в марте 1917 года и пять долгих месяцев провела в Царском Селе под вооружённой охраной. В августе они были переведены временным правительством в Тобольск, удалённый от кипящего революционными страстями Петрограда. Об остальных Романовых в эти исторические дни просто не вспоминали. Да и кому было дело до многочисленных дядюшек, тётушек и племянников отрёкшегося императора? Даже о его младшем брате Михаиле никто пока не вспоминал.

Однако с приходом к власти большевиков положение кардинально изменилось: новая власть была открыто враждебно настроена ко всем «угнетателям трудового народа». Большинство этих «угнетателей» проявило, однако, удивительную беспечность, упустив короткий промежуток времени, в который можно было без особых помех выехать из России (как поступила, например, вдовствующая императрица Мария Фёдоровна).

Летом 1918 года в Петербург стали приходиться страшные слухи о казни императорской семьи. Для княгини Палей эти слухи были тем страшнее, что вместе с другими членами царской семьи был зверски убит и её обожаемый сын, отправившийся в ссылку вместе с ними. Тогдашний глава Петроградского ЧК Урицкий предлагал князю Владимиру Палею жизнь и свободу в обмен на отречение от отца, но юный поэт-романтик отказался, чем и подписал себе смертный приговор.

Ольга Валериановна сошла бы с ума, получив известие о страшной гибели сына, но она не могла позволить себе такой роскоши. Любимый муж, тяжело больной туберкулёзом, был арестован и умирал в одном из казематов Петропавловской крепости. Одновременно там оказалось несколько десятков членов семьи Романовых.

Фамильная гордость, не позволившая дать «какой-то Пистолькорс» фамилию Романова, спасла ей жизнь. Новая власть слабо разбиралась в геральдических хитроspлете-

ниях аристократии. Несмотря на то что княгиня Ольга Палей чуть ли не ежедневно приносила передачи узникам, на неё никто не обратил внимания. Не вспомнили и о её дочерях, которым чудом удалось перебраться в Финляндию. В январе 1919 года Ольга Валериановна узнала о том, что её супруг, как и его родственники, был расстрелян. Не узнала она только того, что на место казни его принесли умирающим, на носилках.

Княгиня Ольга Палей

Поняв, что похоронить мужа по-христиански ей не дадут, княгиня тайно пробралась в Финляндию, к дочерям, а оттуда — уже в Париж. Помогло то, что, возвращаясь в Россию из вынужденного изгнания, Павел Александрович и Ольга Валериановна оставили в парижском банке приличную сумму денег, причём не в рублях.

В 1923 году Ирина вышла замуж за князя Фёдора Александровича, сына великого князя Александра Михайловича, внука Николая Первого и великой княгини Ксении Александровны. Это была последняя радость в жизни княгини Ольги Палей, так и не узнавшей, что этот великосветский, почти царственный брак закончится разводом, а вторая дочь станет фотомodelью и актрисой с бурной личной жизнью.

Сиятельная княгиня Ольга Палей умерла в Париже в 1929 году и была похоронена на маленьком кладбище Колумб. Если она о чём-то и жалела перед смертью, то лишь о том, что не уберегла более шестисот писем к ней великого князя Павла Александровича, написанных за двадцать пять лет их совместной жизни.

Дороже этого ничего в её жизни, как оказалось, не было... ☞

ПОСЛЕДНИЙ ПРОЦЕСС КАФКИ

Денис Логинов

О величии человека судят по тому, что он после себя оставил. Франц Кафка подарил человечеству определение, которым сейчас принято называть нечто мрачное, исполненное иррациональности и абсурда.

Всё это было свойственно творчеству Ф. Кафки (1883—1924), одного из самых заметных писателей прошлого века. И всё это с полным правом можно отнести и к тому, что сейчас происходит вокруг его литературного архива.

Рукописи не горят

Франц Кафка, пожалуй, мог бы дать фору и Николаю Гоголю, который сжёг второй том «Мёртвых душ», — специалисты полагают, что чешский писатель уничтожил до 90% своих рукописей. Из того, что осталось, две трети находится в различных библиотеках и архивах: в Бодлианской библиотеке в Оксфорде, в Немецком литературном архиве в Марбахе. Из-за оставшейся трети, формально находящейся

в частной собственности, сейчас разгорелись чисто «кафкианские» страсти.

После смерти Франца Кафки на столе его квартиры в Праге нашли письмо его другу Макс Броду: «Дорогой Макс, передаю тебе мою последнюю волю. Я хочу, чтобы всё, что останется после меня в виде рукописей, дневников, писем (как моих, так и чужих), рисунков и т. д., было сожжено непрочитанным».

Но Макс Брод через два месяца подписал договор на посмертное издание его неопубликованных повестей. В 1925 году свет увидел «Процесс», затем с интервалом в год вышли «Замок» и «Америка». В 1939 году Брод покинул Прагу. Буквально через несколько часов после того, как он выехал из страны, немцы, оккупировавшие Чехословакию, закрыли границу. С двумя чемоданами рукописей, дневников, писем и рисунков Франца Кафки он отправился в Палестину.

Содержимое этих чемоданов, а также его собственный архив, стали предметом сорокалетних судебных тяжб. Этот архив оставался у Брода до его смерти в Тель-Авиве в 1968 году. Затем он перешёл в собственность его секретарше Эстер Хоффе, которая скончалась в столице Израиля в конце 2007 года на 101 году жизни.

Ситуацию, сложившуюся с бумагами Кафки (и Брода), уже не раз называли «кафкианской», очевидно, имея в виду странность самой идеи, что литературное наследие знаменитого писателя может быть чьей-то частной собственностью.

Первый скандал вокруг этих бумаг разгорелся ещё в тридцатые годы прошлого столетия. Макс Брод был очень недоволен Салманом Шокемом, бывшим владельцем сети магазинов в Берлине, который в 1933 году взялся за издание произведений Кафки. Во время войны Брод издавал их в Палестине и в Нью-Йорке. Сохранилась переписка между Бродом и Шокемом, в которой первый в резкой форме требовал вернуть ему некоторые рукописи. В 1956 году Салман Шокем перевёз архив в Цюрих, где у него тоже была квартира. Позднее эти бумаги купила Бодлианская библиотека, и сейчас они находятся в Оксфорде.

В самом начале семидесятых годов прошлого столетия, вскоре после смерти Макса Брода, в городской суд Тель-Ави-

ва поступило заявление от Государственного архива Израиля с просьбой проверить законность притязаний Эстер Хоффе на наследство Брода. В январе 1974 года суд вынес вердикт: ответчица является законной наследницей господина Брода и имеет право делать с бумагами всё, что хочет.

Правительство Израиля решило сменить тактику. 23 июля того же года Эстер была задержана в тель-авивском аэропорту по подозрению в попытке вывезти за границу написанные от руки документы. В её багаже обнаружили 6 конвертов с копиями писем Кафки. Между тем закон об архивах Израиля требует, чтобы перед вывозом каких-либо рукописных документов из страны в обязательном порядке отсылались в архив копии оригиналов, чего Эстер, судя по всему, не сделала.

После смерти Эстер Хоффе Национальная библиотека Израиля оспорила её завещание, по которому всё имущество госпожи Хоффе, в том числе и литературный архив Кафки — Брода, переходило к двум её дочерям — 75-летней Еве Хоффе и 78-летней Руфи Визлер. Юристы библиотеки утверждали, что она не выполнила главное условие завещания Макса Брода — не передала бумаги в архив или библиотеку, а оставила дочерям.

Дело разбирается в районном суде Тель-Авива уже три года, но пока далеко от решения. Если судья станет на сторону сестёр, они смогут претворить в жизнь свой план — продать часть архива или все бумаги Немецкому литературному архиву в Марбахе. То, что останется, будет, как и сейчас, храниться в 10 сейфах швейцарского и израильского банков и в квартире, расположенной на первом этаже жилого дома в Тель-Авиве по адресу улица Спинозы, 23, где живёт Ева Хоффе с... несколькими десятками кошек.

Наследница или распорядительница?

Главный вопрос, интересующий всех, кому безразлично творчество Кафки, состоит в том, где окажется архив писателя — в Германии, в концентрационных лагерях которой в годы Второй мировой войны погибли все три сестры чешского писателя, или в Израиле, на его второй родине, куда

Франц Кафка

он, по утверждениям многих людей, хотел, но так и не смог эмигрировать.

Макс хотел передать бумаги в библиотеку Еврейского университета в Израиле, но они оказались у Эстер Хоффе, о которой мир узнал в 1988 году, когда она продала за 3,5 млн марок рукопись «Процесса» Литературному архиву в Марбахе на аукционе «Сотбис».

Судьба той части архива, которая находится на улице Спинозы, вызывает наибольшую тревогу у учёных, так как десятки кошек свободно передвигаются по квартире и могут повредить бумаги. Муниципальные служащие по просьбам соседей, недовольных кошками, неоднократно очищали квартиру от животных, но Ева быстро заселяла её новыми квартирантами.

Пока суд не вынес окончательного решения по делу, Ева Хоффе и Руфь Визлер не имеют права распоряжаться ни единым документом из архива, а также не могут трогать около

1 млн евро в наличных деньгах и драгоценностях, оставленных матерью. Ева, хотя и пользуется услугами дорогого адвоката, жалуется, что живёт в ужасающей бедности. Она предложила судье разбирать дело в два этапа: сначала разрешить им с сестрой воспользоваться деньгами, а затем уже решать судьбу бумаг, но получила отказ.

Сёстры попытались вступить в право наследования вскоре после смерти матери, но встретили сопротивление Национальной библиотеки Израиля. Адвокаты библиотеки утверждают, что Макс Брод оставил архив Эстер Хоффе не в наследство, а как распорядительнице завещания, и что она не имела права распоряжаться им после смерти.

В своём завещании, составленном в июне 1961 года, Брод не стал подробно останавливаться на судьбе рукописей и других бумаг. Он только указал в 11 пункте, что они могут храниться после смерти Хоффе как в библиотеке Еврейского университета в Иерусалиме или в городской библиотеке Тель-Авива, так и в «любом открытом архиве в Израиле или за границей». Выбор места хранения архива он предоставил своей секретарше.

В Израиле архив Кафки считают культурным достоянием нации, а Еву Хоффе и Руфь Визлер называют «охотницами за миллионами». Сёстры, однако, утверждают, что деньги их не интересуют, а своё намерение продать архив в Марбах объясняют тем, что в Израиле нет таких условий хранения, как в Германии.

Со своей стороны, и руководство Немецкого литературного архива в Марбахе энергично уговаривает сестёр продать архив. По слухам, речь идёт о миллионах евро. В письме, датированном 2 июня 2009 года, директор Марбахского архива Ульрих Раульф написал Еве, что её мать (Эстер) неоднократно высказывала желание передать бумаги Макса Брода в Марбах и в качестве серьёзности своих намерений даже передала их архиву 40 писем и открыток, написанных Броду немецким писателем Стефаном Цвейгом.

Но если раньше библиотека Еврейского университета и Эстер Хоффе считались единственными претендентами на наследство Макса Брода, то сейчас количество претендентов возросло. В процессе хотят участвовать Амос Шокен, внук Салмана и владелец Naaretz, а также Марбахский архив.

В связи с этим вызывает удивление позиция Чехии, которая по каким-то неизвестным причинам не претендует на архив Франца Кафки, не только бывшего гражданином Чехословакии, но и прожившего почти всю жизнь в Праге и там, кстати, похороненного.

Архив и банковские сейфы

В начале 2009 года Ева Хоффе и Руфь Визлер посетили банки в Тель-Авиве и Цюрихе, где хранятся документы, и проверили содержимое сейфов. Они по-прежнему молчат о том, что там лежит, но утверждают, что бумаги находятся в хорошем состоянии.

Большой интерес, особенно для обывателей, представляет, конечно, стоимость архива Кафки, вокруг которого разгорелись такие страсти. Столичному суду для вынесения решения по этому запутанному делу необходимо знать, о чём конкретно идёт всё-таки речь. Поэтому в 2009 году судья Талья Коппельман приказала вскрыть 4 сейфа в Цюрихе и 6 в Тель-Авиве и провести опись их содержимого.

В конце июля 2010 года в присутствии адвокатов заинтересованных сторон и литературоведов были вскрыты сейфы в цюрихском и тель-авивском банках.

Опись всех документов ещё не закончена, но в банковских сейфах обнаружено много оригинальных материалов Франца Кафки, включая тетради и рукописи. Однако большинство специалистов по Кафке сходятся во мнении, что едва ли архив содержит какие-то неизвестные рукописи, хотя допускают, что в нём находится оригинал рукописи незаконченной повести «Приготовление к свадьбе в деревне», а также рукописи «Сельского доктора», «Сна» и отдельные страницы «Письма отцу», которые могут помочь разобраться в мировоззрении Франца Кафки.

Гений поневоле

Жизнь Кафки (фамилия которого, кстати, в переводе с чешского языка означает «галка») почти не выходила за границы Праги, если уж быть совсем точным, — за границы

нескольких кварталов в центре столицы Чехословакии. В Праге Франц родился, учился в школе и университете, работал страховым агентом. Кафка и Макс Брод познакомились в 1902 году в Карловом университете, где оба учились на юридическом факультете. Несмотря на постоянные беседы о литературе, Макс Брод далеко не сразу узнал, что Кафка уделяет литературе всё своё свободное время.

Лишь в 1905 году Франц Кафка показал Броду свой рассказ «Описание одной борьбы», который произвёл на Макса очень сильное впечатление, и он решил, что будет помогать Кафке. Кстати, Брод, похоже, обладал особым даром открывать таланты. Кроме Кафки в списке его «находок» также Ярослав Гашек и композитор Леош Яначек.

Ещё через два года Макс Брод назвал в одном из еженедельных берлинских журналов группу современных писателей, поддерживающих, по его мнению, на надлежащем уровне «высокие стандарты» немецкой литературы. К уже широко известным тогда Францу Блею, Генриху Манну, Франку Ведекинду и Майринку он добавил и Кафку, который к тому времени... не опубликовал ещё ни строчки. Лишь в 1908 году, после долгих уговоров, Франц начал публиковать скетчи, позднее (1913) собранные в отдельную книгу.

Несмотря на крепкую дружбу, Макс Брод и Франц Кафка во многом были очень разными людьми.

Экстраверт, охотник за юбками, писатель, поэт, критик и составитель, оптимист по характеру, Брод обладал огромной способностью к выживанию в самых трудных условиях.

Франц Кафка был его полной противоположностью — высокий, смуглый, с привлекательным, постоянно задумчивым лицом. У него, конечно, тоже были романы с женщинами, но намного меньше, чем у Брода, и все они приносили сплошные разочарования. Франца с детства беспокоили здоровье, одежда и личная гигиена. Он был вегетарианцем, приверженцем физических упражнений Мюллера, системы «жующий» Флетчера, по которой каждый кусок необходимо несколько минут тщательно разжёвывать, и ещё целого ряда целительных методик.

Кроме того, в отличие от Брода, Кафку нельзя было назвать счастливым человеком.

Франц много лет жаловался другу на работу в страховой компании. В конце концов он всё же набрался смелости и сообщил родителям в письме, что хочет бросить работу, переехать в Берлин и зарабатывать на жизнь литературой. Из этой затеи, увы, ничего не вышло, потому что через неделю после принятия решения о переезде началась Первая мировая война. В 1917 году у Кафки нашли туберкулёз. Через четыре года он потребовал у Брода сжечь все свои бумаги, но тот отказался. Кстати, этот отказ Макс приводил в своё оправдание спустя много лет, когда защищался от обвинений в том, что не выполнил последнюю волю умирающего.

В 1923 году Кафка познакомился с 25-летней Дорой Диамант, девушкой из Галиции, которая бежала из консервативной еврейской семьи. Дора стала его последней и самой счастливой любовью. Счастье пришло к Францу на закате жизни, когда при росте 183 см он весил всего 53 кг. Сначала он и Диамант прожили несколько месяцев в арендованной комнате в Берлине, а в 1924 году поехали в санаторий под Веной. Там, в городке Кирлинг, Франц Кафка, который уже не мог ни есть, ни пить, ни говорить и молча с трудом редактировал гранки своего рассказа «Голодный художник», скончался 3 июня 1924 года на руках Доры. Она, кстати, сожгла несколько его рукописей, но сохранила 20 тетрадей и 35 писем.

Франц Кафка стал знаменитостью против собственного желания. При жизни было опубликовано менее 450 страниц его произведений, сейчас же он находится на пике популярности. Достаточно сказать, что последние полтора десятилетия биографии и работы о нём выходят примерно каждые 10 дней. Один только Брод издал 83 книги.

Рабочая лошадка

Если судить по многочисленным книгам о Кафке, Макс Брод был этакой рабочей лошадкой, трудягой, полным добрых намерений, который с поразительными энергией и упорством продвигал произведения своего более талантливого друга, но при этом ничего не понимал в его творчестве и, в довершение ко всему, ещё и проигнорировал его посмертное желание.

Со своей будущей секретаршей и экономкой Эстер Хоффе и её мужем Отто (как и он, беглецами из Праги) Макс познакомился на курсах по изучению иврита вскоре после прибытия в Тель-Авив.

После смерти жены Брода в 1942 году он и Хоффе стали близкими друзьями. Макс всегда представлял Эстер — «моя помощница».

У Эстер имелся свой кабинет на квартире Брода, жившего в Тель-Авиве на улице Жарден, 16. Она, Отто и Макс вместе отдыхали в Швейцарии. Хотя знакомые Макса называли их шведской семьёй, Ева Хоффе утверждает, что отношения между её матерью и Бродом были чисто платоническими.

Характер у Эстер Хоффе был сложный. Она, к примеру, в самый последний момент отказалась одолжить рукопись «Процесса» организаторам выставки «Франц Кафка» в Париже, потому что ей не позвонил лично президент Франции и не попросил об этом. Позднее выяснилось, что, в довершение к этому, она ещё и запросила с организаторов крупную сумму.

В 1988 году Хоффе «кинула» немецкое издательство Artemis&Winkler: получила, по слухам, пятизначную сумму за право издания дневников Брода, но рукопись так и не представила.

Став владелицей архива после смерти Макса Брода, Эстер Хоффе наотрез отказывалась кому-либо показывать бумаги. При её жизни документы из архива Кафки — Брода время от времени появлялись на аукционах. Например, в 1974 году за 90 тысяч марок были проданы 22 письма и 10 открыток Кафки Броду, а также другие документы. В 1985 году она выставила на продажу письмо Франца невесте Фелисии Бауэр и получила за него 11 тысяч марок. Но самой громкой сделкой, конечно, была продажа «Процесса» тремя годами позже.

И всё-таки...

Уже после беглого ознакомления с этой историей неизбежно возникает вопрос: почему Макс Брод, мечтавший, чтобы бумаги Кафки оказались в общественном архиве, не сделал этого, а подарил их физическому лицу? И почему выбрал женщи-

ну, которая четыре десятилетия никого к ним на пушечный выстрел не подпускала?

Главным аргументом Евы Хоффе и Руфи Визлер является так называемое «дарственное» письмо Макса Брода, датированное 1952 годом. Согласно этому документу, все бумаги Франца Кафки Брод передавал Эстер Хоффе. Ева и Руфь представили суду двухстраничную копию этого письма. Суд, естественно, захотел провести экспертизу документа, однако Ева Хоффе и Руфь Визлер его оригинал так до сих пор и не представили, чем вызвали небеспочвенные подозрения.

Профессор истории Отто Дов Кулка, лично знавший Брода, убеждён, что это письмо частично было «отредактировано» и что Брод никогда не колебался в выборе места хранения архива, он хотел, чтобы бумаги находились только в Израиле. Он также считает, что в одном из банковских сейфов должно лежать и доказательство того, что в конце жизни Макс Брод изменил завещание и вместо Эстер Хоффе назначил распорядителем философа Феликса Велча, работавшего в Еврейской библиотеке. Брод вроде бы упоминал об изменении завещания в письме Велчу (1964), но оно до сих пор не найдено и тоже может находиться в сейфах.

Меир Хеллер во время прений в суде упомянул о письме Макса Брода Эстер Хоффе (1957), в котором тот писал, что после её (Хоффе) смерти бумаги Кафки должны перейти к одному из его друзей, а её дочери будут получать роялти с изданий произведений. В последующие годы Брод периодически возвращался к этому письму, добавляя и вычёркивая имена людей, которым он может доверять и которым можно будет после его смерти передать бумаги. Одно время, к примеру, в этом списке находился немецкий издатель Клаус Вагенбах. Брод вычеркнул Вагенбаха после того, как тот издал плохую, по его мнению, биографию Кафки...

Какое решение вынесет суд и где, в конце концов, окажется архив Кафки, неизвестно. Судью, которая не торопится выносить решение и ждёт полную опись архива, понять можно — уж очень запутанная и противоречивая история. Но дело едва ли можно будет считать закрытым даже после вынесения вердикта, потому что проигравшая сторона наверняка будет при помощи апелляций бороться до конца... ☞

Екатерина Постникова

Синестетик

*Все имена героев вымышленные,
но описанное событие реальное*

Палыч был ужасен. Хотя почему «был»? Он наверняка и сейчас есть, и точно так же треплет нервы командиру своей части, если, конечно, его ещё не выпихнули на пенсию.

Но тогда, то есть десять лет назад, Палыч был относительно бодр, гордо носил воинское звание старшего прапорщика и занимал должность начальника котельной. Дело своё он знал хорошо, ничего не скажешь, но в остальном, повторюсь, Палыч был ужасен.

Во-первых, он жестоко, беспробудно пил. Организм нормального человека просто заgnётся в три дня от таких доз этилового спирта: сначала откажет печень, а потом, если печень всё-таки крепкая, не выдержит мозг. К Палычу всё это не относилось. Врачи на ежегодной медицинской комиссии разводили руками: здоров, совсем здоров, абсолютно здоров, то есть, говоря человеческим языком,

избавиться от него пока не получится. Печень, почки, нервная система — всё в полном порядке. Даже мозг, и тот...

Во-вторых, Палыч был кошмарный матерщинник и хронически жил без премии за постоянное хамство командиру.

«Разве я хоть раз хамил? — удивлялся Палыч, перекуривая это дело с сослуживцами. — Чего они говорят — матом ругаюсь? Я не ругаюсь! Я им разговариваю».

В-третьих, Палыч трескал килограммами чеснок, курил вонючие папироски и оглушительно храпел каждый обеденный перерыв после обязательной поллитровки с колбаской.

В-четвёртых, он был отталкивающе некрасив, выглядел старше своих лет, редко принимал ванну и постоянно чесался.

Ну, и в-пятых, Палыч был синестетик. Как знаменитый американский писатель Набоков. То есть сигналы от органов чувств смешивались у бедняги в кашу и подменяли друг друга в самый неподходящий момент. Звуки имели для него вкус и запах, буквы — цвет, запахи — ощущение, вкусы — звуковое сопровождение, и так далее...

Нет-нет, всё это случилось не от водки, как думал измученный командир части. Палыч был синестетиком с рождения, и ещё в далёком несчастливом детстве, когда его звали просто Коля, удивлялся самым очевидным вещам: зачем есть еду, от которой идёт звук натянутой струны, ходить в учреждение, где воняет конским навозом, а воздух гудит от стога, зачем надевать одежду, которая издаёт жалобное мяуканье котёнка.

Мать раздражалась, шлёпала его: это просто каша, это просто детский садик, это просто вязанный свитер, хватит ныть, я на работу опаздываю. Глотая слёзы, Коля подчинялся. Ему вообще не нравилось жить, но он жалел маму, от которой шёл постоянный вкус горечи. Папа исчез из семьи, когда она была на пятом месяце, аборт сделать не получилось даже за антикварные бабушкины серьги с изумрудами, и она тянула ребёнка одна.

Потом появилась школа — странное душное тёмное место со звуком метронома, прерываемого детским визгом, и с душливой вонью хлорки. Он выдержал десять классов, чтобы не расстраивать мать, ведь она так надрывалась. Но нелюбовь к жизни всё росла, и лет в пятнадцать Коля сказал себе: «Всё это замечательно, но я — лично я — никому жизни не дам».

Так и вышло. Ему удалось ни разу не попасть на алименты, то есть никто от него не забеременел. Заранее, ещё на этапе первого взгляда, цветов и держания за ручку, он чувствовал, как «звучит» девушка. Если от неё шёл тонкий, слабый, чистый звук, похожий на пароходный гудок, многократно ослабленный расстоянием, встречаться было можно. Но если возникало что-то похожее на «звук матери» — тягучий, низкий, плотный, какой-то телесный, он тут же безжалостно прерывал отношения. Эта девушка хотела ребёнка, а он не хотел.

Одну из таких девчонок Коля любил. Мучительно, до слёз. Он почти согласился на новую жизнь, лишь бы остаться рядом с ней. Опомнился за пять дней до свадьбы, всё отменил и впервые страшно напился. Она плакала, швыряла ему в лицо злые слова, кричала её мать, матерился отец. Но Палыч — тогда ещё молодой прапорщик Коля — только разводил руками: «Прости меня, я не могу, не имею права».

Лет пять он мучился, наверное. Она вышла за своего одноклассника, родила ему троих детей, и только случайная встреча летом на улице с ней, растолстевшей, потной, скучной, с коляской, излечила его от страданий.

Через год он женился на девушке из политуправления округа, хорошенькой умненькой Розе, с дивными чёрными глазами и косой, уложенной на затылке улиткой. Она была прекрасной женой, он почти бросил пить, но в тридцать лет Розочка вдруг пришла с диспансеризации серая, с потёками туши в уголках глаз, и Коля сразу понял всё. Он обнял её, стал гладить по голове, в которой уже росло нечто чужеродное — там, в затылке, под костями черепа — вкус металла и тухлого мяса — опухоль. Если бы он мог! Но чувство ещё не означает умение лечить, и через три месяца Роза в муках умерла в военном госпитале. К счастью, она не понимала, что происходит, её способность мыслить отказала гораздо раньше.

С того момента Палыч пил не прекращая вот уже лет десять.

...В то тёплое зимнее утро с мокрым снегом и влажным ветром замполит майор Сергеев сидел в своём кабинете и пытался сосредоточиться на составлении плана воспитательной работы на полугодие. Он был жестоко простужен, чихал и сморкался на новую фланелевую портянку, бессовестно изъятую с вещевого

склада у знакомого прапорщика. Дома осталась дочка-первоклашка с гриппом, в семь вечера должен был прийти за деньгами хозяин квартиры, а денег-то нет, счастливые девяностые годы — зарплату задерживают. Поэтому майор Сергеев думал о чём угодно, только не о работе.

В десять часов он позвонил домой:

— Мариночка, ты там как?

— Лезу, — чуть слышно ответила дочка. — Вася акваиум уланил.

Он еле понимал её искажённый болезнью голосок.

— Ты ничего не убирай, не вытирай. Папа сделает. Ты лежи. Чай пила?

— Пиа... Па, ты не звони, я сплю...

— Спи, кот.

Ему стало совсем грустно. Нещадно саднило горло, из носа текло, как из крана, слезились глаза. Но больничный брать нельзя, надо отловить начальника финансовой службы и выбить хоть немного денег — и на квартиру, и ребёнку куриного супа бы сварить, а лучше с котлеткой, да и вообще...

— Алло, коммутатор, со столовой соедините.

— Столовая.

— Люда? — улыбнулся майор. — Ты?

— Привет, Валь. Как дочка?

— Люд, ты мне в счёт пайка курицу не выдашь? Очень надо. У ребёнка 39,6, ей бы супчика горячего поесть.

— Жениться тебе надо, — вздохнула женщина. — Хочешь, на мне женись? — и хихикнула. — Всегда при курах будешь. Ладно, шучу. Приходи часов в двенадцать, мы продукты получим, сейчас вот накладные подписываю, дам тебе курицу.

И вот в этот момент...

Точнее, было не так. Это именно майору показалось, что всё произошло внезапно, а на самом деле ещё за час до этого начальник котельной Палыч вдруг услышал тончайший звук. Очень-очень тонкий, еле слышимый. Звук разносился в воздухе, пел, плыл откуда-то со стороны штаба, и Палыч, успевший уже с утра принять свои обычные пол-литра, на всякий случай перекрестился: «Чёрт, кажется, что ли...»

Потом звук стал сильнее, навязчивее. Он ввинчивался в барабанные перепонки вдрызг пьяного немолодого небритого и неухоженного мужчины и не давал ему покоя.

Палыч покурил на воздухе, вернулся в котельную, посидел, подумал. Потом встал, надел бушлат, шапку, сунул в нагрудный карман пачку сигарет. Ещё подумал. И вот тогда...

— Ключи давай! — сказал он без предисловий, протягивая руку.

— Ч... что?! — майор Сергеев чуть не уронил стакан чая. — Какие ключи?! Что значит «давай», вы что, в кабаке, товарищ старший прапорщик?!

— Много говоришь, — буркнул Палыч и тут же увидел на столе связку ключей с самодельным детским брелком из дешёвого польского бисера. — Горит твоя квартира. Там ребёнок. Сиди. Я сделаю.

Майор не успел набрать воздуха в простуженные лёгкие, как Палыч уже сцапал со стола связку и выскочил вон.

— Стойте! Вы что?!

Майора поймали под руки, когда он пытался бегом догнать стремительно уезжающий мусоровоз, который едва не вынес ворота части.

— Валя, успокойся! Это белая горячка! Мы в ВАИ уже позвонили, его остановят, всё будет нормально! Что ты психуешь, он же твоего адреса не знает!

Замполит задышался, кашляя:

— У меня дочка маленькая дома одна, он же её напугает! Он ключи мои схватил...

— Да не бойся, ты же всего месяц квартиру там снимаешь, он не знает, куда ехать...

Палыч знал.

Горела прихожая: куртки, пальто, тумбочка, красивая бамбуковая штора на двери. Горело покрывало на диване — с него и начался пожар, пышная синтетическая бахрома упала на открытую спираль электрического обогревателя. Ребёнка знобило, а что понимаешь в пожарной безопасности в шесть с половиной лет? Отопление еле дышало, и она просто пыталась согреться.

Кашляя от едкого дыма, Палыч вышвырнул в подъезд ревушую от страха девочку, отыскал в задымлённой квартире

перепуганного визжащего кота, вытащил его за хвост из-под кровати и тоже кинул в подъезд. Сунул девочке в руки клетку с хомячками, затем рыбок, которых она кое-как собрала с пола в банку. Набросил на неё шубку. Поднял на руки и поставил голыми ногами в валенки разного размера, найденные в прихожей на полу. Вернулся в квартиру и забил бушлатом пламя, которое уже ползло к кухне. Открыл окна. Сел. И потерял сознание — впервые в жизни.

Ему привиделось такое красивое, светлое — молодая здоровая Роза варит борщ, достаёт из кастрюли мозговую косточку, улыбается. На ней белый фартук с вышивкой, ровная чёлочка уложена колечками, красный лак на ногтях. У неё высокая грудь, тонкая талия, красивые руки, чистая линия шеи. Он подходит и целует её в ямочку под ключицей:

— Я тебе никогда не говорил. То есть говорил, но... В общем, я тебя люблю. Ты — самое хорошее, что было в моей жизни. Как мне тебя не хватает.

Роза обнимает его за шею, тёплым дыханием греет щёку:

— Коленька, всё будет хорошо. Ты меня ещё увидишь. Смерти нет. Я тебя дождусь, не спеши. И мы будем вместе.

— Скорее бы, Розочка.

— Не надо скорее. Проснись. Просыпайся сейчас же, там ребёнок!

Она отталкивает его, и...

Его били по щекам, плескали в лицо водой.

— О! Очнулся! Слава богу! А то я думал...

Пожарные, приехавшие по вызову соседей, застали картину: заплаканная, но совершенно невредимая девчужка на лестнице, примчавшийся на такси насмерть перепуганный папа, забившийся за мусоропровод полосатый сибирский кот с опалёнными усами, следы пожара, едкий дым по всему подъезду и мертвецки пьяный мужчина с ожогами рук второй-третьей степени, храпящий на полу обгоревшей квартиры.

Палыча увезли в госпиталь и держали там три недели, не давая пить, отчего он озверел и вступил в тайный сговор с соседями по палате. По ночам они выбирались на территорию и прятались в старом дощатом летнем туалете с сокровенной бу-

тылкой, которую время от времени удавалось пронести в палату навещавшим их друзьям.

После выписки Палыч сразу вышел на работу и очень удивился, когда получил вдруг премию за январь. О дочке замполита он начисто забыл.

— Что это? — буркнул Палыч в финансовой части, расписываясь за деньги.

— Благодарность! — охотно пояснила кассирша. — Ты же ребёнка спас!

— Какого ребёнка?..

В тот же день его поймал майор Сергеев и вручил огромную бутылку водки. Бутылка Палыча порадовала, а насчёт остального он высказался так:

— Слушай, мужик, я знать тебя не знаю и век бы не видел — с детства замполитов не выношу. И где ты живёшь, понятия не имею. И что у тебя, оказывается, какой-то там ребёнок есть, не знал. Так что за бутылку мерси, а в целом оставь меня в покое и в друзья не набивайся.

— Но... чёрт возьми... как?! — шокировано воскликнул майор вслед удаляющейся тощей спине Палыча.

Старший прапорщик обернулся и несколько секунд молчал. Потом буркнул:

— А вот так. И ты это... вообще с электричеством поосторожнее. И сынку скажи.

— У меня дочь...

— Да неважно.

Ровно через десять лет дочь майора едва не погибла от травмы электрическим током, но они уже давно не служили вместе, и сказать спасибо за предупреждение было некому. ☞

Андрей Рублёв. «Троица», XV в.

ВЕЛИКАЯ «ТРОИЦА»

Ирина Опимах

История этого шедевра неотрывна от истории России, страшной, трагичной, но одновременно вместившей в себя потрясающие взлёты духа, творчества, жертвенности. Д. С. Лихачёв писал: «Национальные идеалы русского народа полнее всего выражены в творениях двух его гениев — Андрея Рублёва и Александра Пушкина. Именно в их творчестве отчётливее всего сказались мечты русского народа о самом хорошем человеке, об идеальной человеческой красоте...» Мир рублёвской «Троицы» — мир удивительной гармонии и красоты, высокой духовности, добра и справедливости, вера в человека, в его нравственные силы, в его способность к самопожертвованию во имя высоких идеалов. Именно поэтому небольшая икона, созданная более пяти столетий назад, вошла в сокровищницу не только русского, но и мирового искусства. А ведь несколько столетий её, по сути, никто не видел...

В 1904 году Василий Гурьянов, известный реставратор и знаток русской иконы, со своими сотрудниками В. А. Тюлиным

и А. И. Изразцовым приступил к расчистке образа Пресвятой Троицы из Троицкого собора Троице-Сергиевой лавры. Икона эта не пользовалась большой популярностью в народе — не миrotочила, не творила чудеса исцеления, — зато представляла интерес для искусствоведов, поскольку якобы была творением легендарного иконописца XV века Андрея Рублёва. Якобы — потому что тогда никто точно не знал, кто именно автор этой работы. Рублёв прославился ещё при жизни, но икон его, по сути, никто не видел уже несколько сотен лет. Дело в том, что старые образа хранились под окладами, а кроме того, были записаны поздними наслоениями. Олифа, которой покрывали иконы, со временем темнела, искажала колорит изображений, поверхность портилась от копоти лампад и свечей, от дыма кадившего ладана. Неудивительно, что иконописцы частенько подновляли иконы, а порой просто переписывали их заново, прямо поверх утратившего краски изображения.

К началу XX века кисти великого мастера Андрея Рублёва приписывалось множество фресок и икон, но авторство ни в одном случае доказано наверняка не было, и его образ к тому времени фактически превратился в миф, прекрасную легенду.

Когда Гурьянову удалось снять поздние записи (а их было не менее пяти) и расчистить маленький кусочек «Троицы», учёные, да и не только они, всё русское общество было просто потрясено. Вместо тёмных, коричневых тонов, характерных для старых русских икон, вдруг засверкали яркие прозрачные краски: голубые, розовые, зелёные, солнечные, — появились райские одежды ангелов...

«Троица» оказалась настоящей жемчужиной, и миф об иконописце обрёл смысл: всем стало ясно, что Рублёв действительно был великим художником, которого смело можно сравнивать с его современниками, мастерами итальянского Возрождения. Но одновременно стало ясно и другое: многочисленные иконы и фрески, которые приписывались великому мастеру, не имеют к нему никакого отношения. Уже гораздо позже учёные всё-таки нашли несколько его работ — их было совсем немного, к сожалению.

Но вернёмся в 1904 год. Гурьянов записал икону заново, и «Троица» вернулась в иконостас собора. Позже искусствоведы

говорили: то, что сделал Гурьянов, трудно назвать реставрацией, по сути, это было очередное поновление.

1918 год ознаменовал новый этап в истории иконы. По инициативе Комиссии по сохранению и раскрытию древней живописи и Комиссии по охране памятников Троице-Сергиевой лавры начались реставрационные работы. Раскрытием «Троицы» занимались опытные реставраторы: И. Сулов, В. Тюлин и Г. Чириков, — и с их помощью удивительная красота этого выдающегося творения была вновь явлена России.

До 1929 года икона хранилась в музее Троицкой лавры, а потом была передана в Третьяковскую галерею. А её место в иконостасе занял список, выполненный Н. А. Барановым в 1928 году. Кроме того, в иконостасе находится и другая копия, сделанная в 1600 году по заказу Бориса Годунова.

До сих пор историки и искусствоведы разгадывают загадки рублёвской «Троицы» и пытаются проникнуть в её тайны. Ну, например, неясны обстоятельства её создания — уж очень мало сведений дошло до нашего времени. В 1551 году на Руси состоялся Стоглавый собор, и в его постановлении упоминается икона Святой Троицы, выполненная «прославленным иконописцем Ондреем Рублёвым». Позже имя Рублёва и его знаменитая икона упоминаются в «Сказании о святых иконописцах», составленном в XVII—XVIII веках. В этом сборнике историй, фактически легенд, говорится о том, как Никон Радонежский, ученик Сергия Радонежского, попросил Андрея «образ написати Пресвятые Троицы в похвалу отцу своему Сергию». И хотя сведения из «Сказаний» трудно считать абсолютно достоверными, сегодня историки им верят. Но вот вопрос, когда же Рублёв написал свою знаменитую икону, остаётся открытым. Дело в том, что Никон просил Рублёва написать икону для храма Святой Троицы, но храмов этих было два: в 1411 году построили деревянный, а в 1425 году — каменный. И нигде не говорится, для какого храма писал икону Рублёв. В житиях Никона упоминается о том, что он пригласил артель Андрея Рублёва и Даниила Чёрного завершить роспись только что построенного белокаменного Троицкого собора, но там ничего не сказано о «Троице». Таким образом, датировка иконы не определена: или 1411 год, или же 1425—1427-е.

То время, начало XV века, было страшным. Татары разорили Русь, уводили пленников, делили дань, а русские страдали

от голода и мора. «Люди ели людей и собачину», — рассказывает летописец. В начале декабря 1410 года татары двинули свои войска на Москву. Нападение было так неожиданно, что великий князь не успел собрать свои дружины и, спасая жизнь, бежал в Кострому. Вслед за ним множество москвичей покинули город. Посады вокруг Москвы при этом сожгли — чтобы врагу не из чего было строить осадные сооружения. Хан Едигей расположился в селе Коломенское и послал гонцов в Тверь — требовать у тверского князя поддержки. Но жители Твери, простив москвичей за то, что Калита когда-то помогал татарам громить Тверь, отказались помогать Едигею. Татары простояли месяц под Москвой, взяли огромный выкуп и пленных, спалили сёла, разорили поля и, к радости москвичей, отправились восвояси.

А через два месяца татары напали на Владимир, к которому их незаметно подвёл суздальский князь, и ворвались в Успенский собор, который совсем недавно расписывал Андрей Рублёв, грабя и хватая всё, что попадалось на глаза. Ключарь Патрикей никак не хотел выдавать им ключи от церковной казны, за что страшно поплатился: татары жарили его на сковороде, забивали щепы под ногти, а потом, привязав к коню, замучили до смерти.

Неизвестно, где провёл эти страшные годы Андрей Рублёв — укрылся ли в стенах своего родного Андроникового монастыря или, как многие москвичи, подался на север. Но, конечно же, до него доносились известия о страшных бесчинствах татар, а что-то, может, он видел и сам.

Всё пришло в упадок, всё было сожжено и разграблено. Вот и Троице-Сергиев монастырь был полностью сожжён. Можно представить, что испытывали русские люди, глядя на обуглившиеся деревяшки, валявшиеся на месте, ставшем для них святым, там, где находили они духовную опору у Сергия Радонежского перед Куликовым сражением, перед великой победой. И Никон, тогдашний настоятель монастыря, понимая настроение своих соплеменников, попросил известного писателя Епифания составить жизнеописание Сергия, а главное, принялся за восстановление его святой обители. Никон собрал лучших зодчих и на месте сожжённого храма построил новый, белокаменный собор. Скорее всего, расписывать именно его он позвал Андрея Рублёва и его друга Даниила Чёрного. Вот тогда Рублёв и написал иконы, ставшие вершинами мирового

искусства, и среди них первое место по праву занимает великая «Троица», написанная по прямому заказу Никона Радонежского, повелевшего «при себе написать образ Пресвятой Троицы в похвалу отцу своему Сергию Чудотворцу».

Толкование смысла Троицы всегда, с самых первых лет существования христианства, вызывало споры. Троица заключает в себе понятие о Боге едином, но воплощённом в трёх равнозначных лицах: Бог Отец, Бог Сын и Бог Святой Дух. Отец — это безначальное Первоначало, Сын — абсолютный Смысл, Дух — животворящее Начало. Троица символизирует и другие значения: Я, Ты и Он; Прошлое, Настоящее и Будущее; Вера, Надежда, Любовь.

В искусстве существовали две традиции изображения Троицы: ветхозаветная, основанная на библейской, ветхозаветной, легенде, и новозаветная. По новозаветной традиции, распространённой в западной живописи, Троица изображается в виде седовласого старца, юноши и голубя. В России больше прижилась ветхозаветная Троица. В Ветхом Завете рассказывается, как однажды к старцу Аврааму пришли трое юношей. Он усадил их в тени под деревом Мамврийским и вместе со своей женой Саррой стал угощать. Мудрый Авраам догадывался, кто пожаловал к нему в гости, — это был сам Бог, воплотившийся в образе прекрасных юношей. Бог непостижим для смертных, вот почему он является людям в образах, которые доступны их пониманию.

На Руси в XIV—XV веках учение о Троице было особенно любимо. Именно оно стало стимулом к объединению перед лицом грозного врага — Золотой Орды. И не случайно это учение так пропагандировал Сергей Радонежский, вкладывая в него идеи нравственного усовершенствования, мира, согласия. Вот почему главным храмом в его обители был храм Пресвятой Троицы, где Андрей Рублёв написал ветхозаветную Троицу, создав образы прекрасных юношей, чистых и возвышенных. Конечно же, он видел византийские иконы, посвящённые Троице: там, как правило, кроме самой Троицы изображались Сарра и Авраам, старавшиеся угодить гостям, яства, которые они ставят на стол, вся церемония трапезы. Для Рублёва все эти мелкие реалистические подробности легенды не имеют никакого значения; гораздо важнее для художника само великое это событие — явление Бога людям. На его картине мы видим только трёх прекрасных

юношей, причём обстоятельства их появления в мире людей обойдены молчанием, и это даёт возможность видеть в иконе гораздо большие глубину и смысл. Что делают юноши? Вкушают пищу? Ведут беседу (при этом один из них вещает, а двое других внимают)? Или, задумавшись, воспаряют мыслями в мир светлых дум и прекрасной мечты?

Вся икона пропитана глубокой символикой. посох в руках — намёк на странничество, выпавшее на долю Иисусу. И дом Авраама — символ Дома, символ вдохновенного строительства, созидания, дерево — намёк на Древо Жизни, а гора — символ возвышенного духа, взлёта. Стол — символ пищи не только материальной, но и духовной. А что значит чаша на столе с головой жертвенного овна? Это — чаша жизни, и мудрости, и горя, и страданий, которые суждено испить. Но и символ любви, готовности к самопожертвованию, что особенно подчёркивается Рублёвым, ведь чаша — центр иконы. Все три фигуры как бы заключены в круг — символ неба, света и Божества, символ законченности, завершенности, покоя, однако всё в рублёвской иконе живо, всё движется: средний ангел склонил голову, нимб его нарушает симметрию, и равновесие восстанавливается тем, что оба подножия ангелов сдвинуты в другую сторону.

Все три ангела очень похожи — они словно отражаются друг в друге, и различие между ними скорее не во внешнем облике, а в душевном состоянии. Средний ангел величав и монументален, левый — несколько напряжён и грустен, правый — мягкий и даже женственный, он полон сочувствия и сострадания. Искусствоведы и теологи многие годы спорят, какой из ангелов Бог Отец, какой — Бог Сын, а какой — Бог Святой Дух. Но если бы Рублёв хотел, он бы наверняка сам как-то дал понять, какую ипостась Бога представляет каждый из ангелов. Видно, это не входило в его задачу. Среди трёх ангелов нет высших и низших, впервые удалось создать идеальное соответствие одному из сложнейших догматов христианства — учению о Троице, включающей триединство, нераздельность и единосущность. Нам, людям XXI века, вряд ли понятны и интересны столь тонкие богословские рассуждения, однако почему-то рублёвская икона не перестаёт волновать душу, и при взгляде на эту совершенную красоту сжимается сердце. Наверное, так происходит потому, что художнику удалось создать поразительный образ гармонии,

чистоты и такой высоты, на какую только способен воспарить человеческий дух.

Несомненно, Андрей Рублёв написал «Троицу» в годы зрелости, когда талант его набрал полную силу. Это поистине гениальное творение стало итогом его размышлений о Мире, Человеке и Боге, в нем выразились воззрения Сергия Радонежского о необходимости единения, ведь построил он Троицкий собор, «дабы воззрением на св. Троицу побеждался страх ненавистный розни мира сего». Эти идеи, полные гуманизма и добра, были так важны на Руси XIV—XV веков, но надо сказать, что не менее важны они и сегодня, спустя шесть столетий. Вот почему искусство великого Рублёва не теряет своей актуальности, вот почему так хочется остановиться перед его «Троицей» и молиться, хочется, чтобы люди чаще вспоминали о том, что жизнь человеческая столь хрупка и коротка...

О жизни великого мастера историки знают очень мало. Однако известно, что последние годы он провёл в тиши Андроникового монастыря, за мощными белокаменными стенами. Там, в миру, люди страдали и мучились: голод, смерть, болезни, набеги татар, междоусобицы, — а в монастыре царили тишина и покой, можно было читать мудрые книги, изучать старые иконы и писать свои, такие непохожие на образы древних мастеров. И всегда рядом преданный друг, близкий и всё понимающий Даниил Чёрный. Доброжелательными старцами прозвали художников летописцы. Многие они прошли вместе: служили Богу в Андрониковом монастыре, работали во Владимире, в Сергиевой лавре... И похоронили их рядом — на стене Спасского собора чугунная плита, а на ней надпись: «Здесь погребены в 1430 году Андрей Рублёв и Даниил Чёрный».

Но вернёмся к «Троице».

С 1575 года, после приобретения золотого оклада, дара Ивана Грозного, икона занимала главное место в местном ряду иконостаса Троицкого собора Троице-Сергиевой лавры. Позже, в 1600 году, ещё более роскошный оклад для неё подарил монастырю Борис Годунов. Тогда же по заказу царя был сделан список с «Троицы». До конца 1904 года её никто не видел — она была спрятана за золотом и драгоценными камнями оклада. К ней прикасались лишь мастера, которые делали поновления, по сути, её уничтожая: первое, по-видимому, во времена Годунова,

затем — в 1635 году, когда был поновлён весь иконостас, потом в 1779 году, когда иконостас и все росписи храма были обновлены по велению митрополита Платона, и наконец в 1834—1835 и в 1854—1855 годах, когда над «Троицей» поработали художники Палеха.

Со времён Рублёва прошли века. Творения великого иконописца стоят сегодня в одном ряду с величайшими полотнами итальянских мастеров Возрождения, а его «Троица» по-прежнему украшает коллекцию Третьяковки.

Икона покидала стены галереи лишь однажды, в 1941 году, когда собрание музея было эвакуировано в Новосибирск. Военные годы она вместе с другими шедеврами русского искусства провела в местном оперном театре, а 17 мая 1945 года снова заняла своё место в залах галереи. С 1997 года каждый год на праздник Троицы знаменитую икону хранители-музейщики бережно выносят на руках в храм-музей при галерее, в церковь Святителя Николая в Толмачах, где она живёт три праздничных дня. На эти три дня иконе обеспечен температурный режим, ведь возраст её весьма почтенный (более 580 лет), на её досках есть трещины, и никому не хочется, чтобы они становились глубже...

Однако время от времени (а сейчас особенно громко) раздаются голоса высших иерархов Православной церкви и простых православных, видно, особенно истовых, требующих вернуть икону в Троице-Сергиеву лавру. «Место иконы в храме!» — убеждены они. Если бы речь шла о какой-то обычной иконе, эти требования было бы легко удовлетворить. Но рублёвская «Троица» — шедевр мирового искусства, памятник древнерусской культуры, она принадлежит не только Церкви и верующим, но всему народу России. Кроме того, условия для её хранения можно создать только в музее, под присмотром специалистов, и музейщики Третьяковки не уступают своих позиций...

Ну а пока жива «Троица», мы ещё можем слышать голос великого русского мастера, идущий к нам из глубины веков. Андрей Рублёв, инок Андроникова монастыря, призывает нас ценить Жизнь, Красоту, Мир, Добро и Гармонию, которых так не хватало в его время и так не хватает сейчас, спустя почти шесть столетий после его смерти. ☒

Агафонова Мария

24 года, юрист, г. Скопин Рязанской обл.

Первый год разлуки

Будет первый день в году,
Будет первый год разлуки.
Так рассеянно пойдут
Совершать движенья руки!

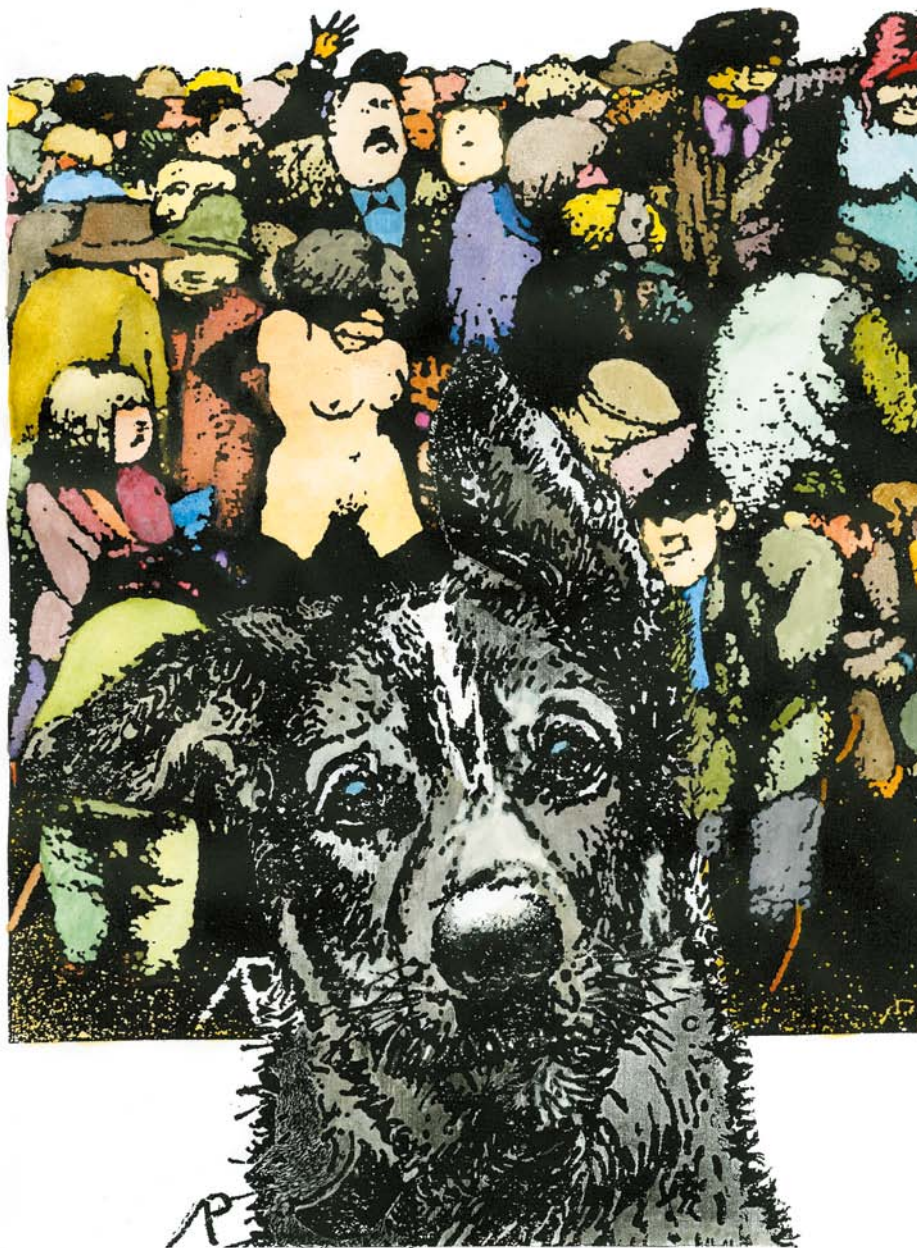
На заученных местах
Остановятся предметы,
Звуки, запахи, цвета
Не заметят перемены...

Как ни зорки зеркала,
И они узрят едва ли,
Что привычка подвела
Отражение в овале...

Будет первый день в году
Так нещадно бесконечен...
Словно в маленьком аду,
В нём укрыться будет нечем.

Но со всех календарей
Он, как прожитый навывлет,
Перекрестьем будет выбит,
Чтобы кончиться скорей...

Валерий Володченко

ХВОСТИК

Я

рождён собакою. Не в том смысле, что мною ошенилась сука, хотя и в этом тоже, а в том, что имею хвост и зубы. Хвостом я умею приветливо вилять, а зубами — грозно скалиться.

Все говорят, что я чертовски красив. В целом масти чёрной, а на лбу, точно посередине, белый «пробор», словно сабельный удар, рассёкший голову. А ещё белая грудка, белые «чулочки» и белый кончик хвостика. И совсем уж интимная деталь: под хвостом, будто солнечный зайчик прилип, тоже белое пятнышко.

«Хвостик! — это меня так зовут. — Хвостик, покажи зубы», — просят люди, и я показываю: р-р-ры!

Они смеются и называют меня «оскалом империализма». А ещё люди называют меня «собакой табака», потому что я люблю отдыхать на животе, вольготно распластав задние лапы.

Конечно, некоторые части тела с возрастом (а мне уже год и три месяца) стали мешать исполнять этот незамысловатый трюк, почему-то очень веселящий окружающих, но не до такой же степени мешать,

чтобы беспардонно орать на весь рынок: «Мама! Мама! Смотри, как лежит! Он же пипиську раздавит...»

Я тогда тяпнул за голую ногу в рваной сандалиии этого бестолкового человеческого детёныша, не умеющего прилично вести себя в порядочном обществе. И не до крови ведь тяпнул, а только в воспитательных целях, но пацан и его мамаша так завопили, что переполошили весь рынок.

И пришлось мне неделю скрываться у Хасана...

Хасан работает в мясных рядах, он мой друг. В мясные ряды не каждому псу зайти позволено, а кошкам и вообще туда дорога заказана. Меня же Хасан всегда встречает приветливо и радушно.

«Опять жрать захотел? — спрашивает-утверждает он, втыкая свой топор в колоду, на которой постоянно рубит мясо, и бросает мне сахарную косточку: — Жри, пожалуйста...»

Кто-то может сказать, что весьма нелюбезно так бесцеремонно обращаться с пришедшим гостем, но мне действительно есть хочется постоянно. И мой друг Хасан об этом догадывается и демагогией не занимается. Он привык к конкретным действиям в реальной жизни, а его брошенная кость с солидным ошмётком мяса на ней гораздо весомее абстрактной болтовни о любви к животным и необходимости их защиты.

Возможно, вас удивляют все эти мудрёные слова, которые я так свободно и к месту употребляю, их ведь и люди-то не все понимают. Конечно, я и обиходным матерным языком владею в совершенстве, но для этого нужна соответствующая обстановка — чтобы дым коромыслом, чтобы музыка убойно-свайная: бум! бум! бум! — и обязательно визжащие с удовольствием девицы.

Где я научился всему этому? У Серёги!

Серёга-алкаш — мой первый и любимый хозяин, ему я достался ещё слепым щенком. Серёга тогда пришёл к своей соседке бабке Нюре канючить столик «до после обеда», а бабка была не в духе, так как занималась ответственным процессом — топила в помойном ведре нас, пятерых кутят. Нашу мамку угораздило опростаться в бабкиной сараюшке, и теперь, на правах хозяйки, бабка Нюра кардинально решала нашу щенячью судьбу.

В стольнике бабка Серёге отказала категорически, и он, чтобы её позлить, запустил руку по локоть в помойное ведро

и ухватил одного из утопленников — им оказался я. Поэтому и говорю: Серёга меня достал, а я, значит, ему достался.

Вообще-то Серёга почти сразу сообразил, что поторопился совершить благое дело, и оплошность свою признал уже через час, когда к нему нагрянула весёлая компания. «Нагрянула» — это фигурально сказано... На самом деле Два Витька и Андрей Иванович обитали у Серёги почти что круглосуточно, меня временами лишь женский контингент сопровождения: Зинок на Снежан, а Наташек — на Анжелин и Анжелик. Иногда это происходило и в обратном порядке...

Притащив меня домой, мокрого и полудохлого, Серёга сунул меня в тряпье на кровати и напрочь забыл о содеянном. И Анжелка, которая по паспорту значилась Катькой, едва не раздавила меня своим безразмерным задом. Эту пикантную и значительную часть её тела Два Витька уважительно называли выдающейся кормой. К счастью, девица промахнулась, и «корма» только слегка меня потревожила. Но я запищал так возмущённо и пронзительно, что собутыльники от неожиданности даже стаканы — полные! — в сторону отставили, чего никогда до этого не случалось и не могло случиться в принципе. Как позже прокомментировал Андрей Иванович, «беспрецедентный возник случай, аномалия...»

Стали думать, чем и как меня кормить-выхаживать. Молока в доме Серёги сроду не водилось, и купить, чтобы насытить сосунка, было не на что. Тогда Анжелка, торопливо проглотив стакан портвейна, сбегала к какой-то своей «декретной» подруге и скоро вернулась с бутылочкой белёсой жидкости.

«Подоила курву», — весело объявила она, демонстрируя ёмкость. И о необходимой соске на бутылочку, молодец, не забыла, выпросила в аптеке.

Так что вскормлён я, можно сказать, молоком человеческим. И вот ведь какая в связи с этим замечена несправедливость: когда человеческого детёныша возвращают собаки или волки, во всех газетах об этом обязательно пишут, удивляются, восторгаются: Маугли! А когда случается наоборот, как вот со мной, то никакой информационной шумихи не возникает.

...Уже через пару недель я лихо лопал людской деликатес — колбасу. Девицы, жеманьясь, тщательно разжёвывали её и пальцем засовывали мне месиво в рот, утверждая, что питаться

в этом возрасте я должен через каждые два часа. Они же после кормления больно мяли мне живот, считая процедуру исключительно полезной и профилактической, «чтобы заворота кишок не случилось».

«Только не свиную! Собакам свиную нельзя», — проявляла осведомлённость и заботу обо мне одна из пришедших Наташек, на что Два Витька весело ржали, ударяя ребром ладони по сгибу руки: «Не бойсь! У нас только ливерная!»

Андрей Иванович на колбасную тему тоже шутил, но интеллигентно: «Почему нельзя свиную? Он же не иудей и не магометанин какой...»

Анжелка постоянно нахваливала мои белые отметины, а солнечное пятнышко под хвостом объявила счастливым. Почему она так решила, одной только ей известно, но всё равно было приятно узнать о своём исключительно безоблачном будущем существовании.

Надо сказать, девицы, пока были трезвые, всегда ласково надо мной сюсюкали, всякие бантики привязывали, в тряпочки пеленали, красавчиком называли. Дойдя же до кондиции, становились стервозными и с явным неодобрением обсуждали, какой из меня скоро кобель получится. А чего, спрашивается, обсуждать? Конечно, кобель! Может, не очень чистокровный, но сами же решили, что замечательный.

Так я быстро рос и набирался впечатлений в окружении бесшабашных людей, под их бестолковым приглядом и в карнавальном каком-то сумасшествии. Прав был писатель Иван Сергеевич Тургенев, который прямо заявлял, что у русского человека мозги набекрень. Я ему верю и с ним солидарен: уж очень он жизненно немного Герасима и его несчастную собачку Му-Му изобразил, реалистично..

Когда мой хозяин был пьян (а пьян Серёга был всегда), он тоже становился «немым», и хозяйством управлял Андрей Иванович. Дом у Серёги собственный, плюс пять соток огорода, на котором ничего, кроме сорняков, не росло, потому что ничего и не сажали. Дом стоял пустой, с выбитыми стёклами, а вся колготня происходила в летней кухне. И кухня была шикарная — с двумя унитазами! Если бы их ещё подключить к системе канализации, то, как выражался (не в смысле матерно, а с глубинным философским содержанием) Андрей Иванович,

уровень комфорта достиг бы невероятных высот. Но канализации не было и не предвиделось, и сантехника использовалась вместо табуреток.

Витьки мне нравились своей неуёмной энергией и весёлым присловьем: «Нас двое, и мы в тельняшках...» Отсюда и прозвище у них одно на двоих — Два Витька, хотя, если честно, никаких тельняшек они не носили...

А вот к Андрею Ивановичу дамы относились с пиететом. У него замашки усталого барина, и по утрам он ходил в шикарном шёлковом халате. Я частенько уволакивал этот халат в свой закуток и с удовольствием на нём отдыхал. Конечно, от моих зубов и когтей на халате оставались дырки, но Андрей Иванович на такие мелочи внимания не обращал — аристократ!

Имелась у Андрея Ивановича и своя персональная кружка, на которой был оттиснут его цветной портрет анфас. Витьки говорили, что при такой ксиве ему менты за километр честь обязаны отдавать и паспорт не спрашивать.

Андрей Иванович в недавние ещё времена в больших начальниках ходил, вернее ездил, а мой хозяин Серёга при нём шофёрские обязанности исполнял и другие разные поручения.

Руководящее своё прошлое Андрей Иванович никак не афишировал и не выпячивал, и наливали ему, когда было что налить, вровень со всеми, без учёта былых номенклатурных заслуг.

Витьки всегда орали при этом, что отсутствие привилегий — выдающееся завоевание и даже определяющий признак демократии. И первый тост обязательно предлагали за главного борца с привилегиями, неизвестного мне Бориса Николаевича, с которого у нас эта самая демократия вроде бы и началась.

«Он на «москвиче» ездил! — аргументировали своё высказывание Витьки. — И в районной поликлинике лечился...»

«От алкоголизма?» — интересовалась подробностями Анжелка, но Витьки этот её невинный вопрос игнорировали.

«Не признак, а призрак... Призрак демократии...» — принципиально не соглашался с Витьками Андрей Иванович, но выпивал всегда со всеми вместе, и тоже с удовольствием. И поступал он — все с этим соглашались — вполне разумно и в духе времени: раз народ призывали голосовать сердцем,

то почему бы народу не использовать и другой имеющийся внутренний орган — желудок?

«После первой не закусывают!» — торопились Витьки, разливали по второй и пили уже без тоста, чтобы не отвлекаться и не стопорить увлекательный процесс, и опять же без закуски — по причине её отсутствия.

После третьей счёт вообще прекращался: счастье ведь не в количестве, а в качестве, то есть в сногшибательности напитка. С этим «почти что афоризмом» тоже согласны были все и разливать последнюю бутылку (её суеверно называли крайней) единодушно доверяли только Андрею Ивановичу: он делил — по булкам! — с невообразимой точностью, и разногласий почти никогда не возникало. Наоборот, после возлияния появлялось чувство братского единения, наступало роскошное время человеческого общения. В эти счастливые минуты меня могли и в нос расцеловать, и общую кастрюлю с остатками каши или макарон щедро на пол поставить. Все становились милыми и сентиментальными и всё почему-то настойчиво допытывались друг у друга: «Ты меня уважаешь?». Правда, очень скоро я узнал, что расслабляться не стоит ни на мгновение: в любой момент можно было получить пинок по рёбрам от только что дружелюбно обшлянявившего тебя человека, который внезапно стервенел и становился отвратительным и страшным в этой злобной своей переменчивости...

Серёга Андрея Ивановича уважал и только на «вы» к нему обращался. У них иной раз тоже до мордобоя дело доходило (по личным исключительно мотивам, к «разливу» касательства не имеющим), но, раскровенив сопатку «шефу», Серёга обязательно примиряюще протягивал тряпку и просил: «Утритесь, Андрей Иванович...» И тот утирался, но всё равно продолжал Серёге начальственно тыкать.

Все эти житейские детали я и сам наблюдал, и от проходящих девиц узнавал. «А потом он спился», — переходили они на таинственный шёпот, и мне никак не удавалось до конца разобраться в истоках душевной трагедии Андрея Ивановича.

Однажды, когда все уже были в отключке и храпели по углам, он сам мне немножко приоткрыл свою «философию».

«Понимаешь, Василий, — в поддатом состоянии он меня почему-то Василием называл. — Всё это, — потыкал он пальцем

вокруг себя, вглядываясь в лица спящих собутыльников, — всё это эфемерное. Понимаешь? Ненастоящее! Нет, ничего ты, Василий, не понимаешь... Все мы ничего не понимаем. И все — ненастоящие... — Андрей Иванович полез под стол, пытаясь найти закатившуюся, возможно, «крайнюю» бутылку с остатками вина, но не нашёл — бутылки, даже эфемерные, в доме Серёги просто так не раскатывались. Тогда он продолжил беседу со мной: — И знаешь, Василий, как-то один царь спросил мудреца: «Что мне сделать, чтобы в государстве всё было благополучно?». Мудрец сказал: «Ты поймёшь это, если будешь знать ответы на три вопроса. Какое главное дело в твоей жизни? Какой главный человек в твоей жизни? Какой главный момент в твоей жизни?». Царь подивился простоте решения, а мудрец продолжил: «Самое главное дело в твоей жизни — то, которое ты сейчас делаешь. Самый главный человек — тот, с которым ты сейчас говоришь. Самый главный твой момент — вот этот момент», — в этом месте Андрей Иванович вдруг заплакал. — И что, Василий, вот сейчас и вот здесь и происходит самый главный момент моей жизни? И самым главным делом я сейчас занят? С главными своими людьми-человеками общаюсь?» — спрашивал он меня, рыдая и утирая слёзы рукавом грязной рубахи.

Я, удивлённый и сконфуженный внезапными мужскими слезами, только деликатно отводил глаза в сторону, не умея ответить на его вопросы. Да он в ответах, по-моему, и не нуждался...

По утрам компания собутыльников всегда была мрачной и раздражённой. Два Витька однообразно предлагали занять у кого-нибудь столык «до после обеда», девицы на это привычно фыркали и крутили пальцем у виска, Серёга униженно суетился, потому что хозяину, не сумевшему утром «накрыть поляну» для вечерних гостей, суетиться положено по определению. Один только Андрей Иванович никогда не терял присутствия духа. Ему-то первому и пришла в голову эта совершенно гениальная мысль: продать меня, чтобы на вырученные деньги опохмелиться.

«Да кто ж его купит?! Кому он, шелудивый, нужен?» — засомневались Два Витька, но девицы идею поддержали, даже нашли где-то случайный обмылок и устроили мне банный день, чтобы я товарный вид приобрёл. Воду только нагреть, шалавы, забыли: мыли холодной, и замёрз я в ржавом корыте, как собака...

В связи с заманчивым и перспективным бизнес-проектом Андрей Иванович ещё историю назидательную поведал. Все его истории были назидательными и начинались одинаково: «Когда я работал на птицефабрике главным инженером...» А дальше всегда шёл, собственно, сюжет. В тот раз он получился такой: «Когда я работал на птицефабрике главным инженером, мы с директором создали дочернее предприятие, которому продавали цыплят по очень низкой цене. А через пару недель выгодно покупали у «дочки» этих же цыплят по цене очень высокой. При этом сами цыплята, — Андрей Иванович многозначительно, привлекая внимание слушателей, нацелил указательный палец в потолок, — территорию фабрики не покидали...»

«Ну и чё? — не врубилась Наташка, измученная головной похмельной болью и вообще плохо разбиравшаяся в причудах российского бизнеса. — В чём фишка-то?»

«Чё, чё! Через плечо! — возмутился за бывшего своего начальника Серёга, хорошо знавший на правах приближённого водилы-экспедитора всю финансовую подоплёку давнего гешефта. — Все наши олигархи так начинали, теперь живут как сыры в масле...»

О жизни сыров в масле я, к сожалению, никакими подробностями не располагал, потому и о повседневном существовании олигархов представления не имел, но все остальные были, видимо, в курсе, и вопросов больше не задавали.

Когда меня повели на продажу, Серёга тяжело вздыхал и конфузился — то ли меня очень жалел, то ли выпить очень хотелось...

Первый раз меня продали прямо у винного магазина какой-то взбалмошной тётке, которая всё интересовалась, есть ли у меня паспорт и хороша ли родословная.

«Из дворян! — тут же изобразили моё генеалогическое древо Два Витька. — А паспорт сдан на прописку, на следующей неделе обещали оформить...»

Любознательная тётка Витькам поверила и требуемую сумму «на литр» им вручила. Напоследок спросила, как меня зовут, и Два Витька немедленно придумали: Боник. На самом деле меня у Серёги никак не звали, персонифицировали редко: «Эй» или «Пшёл, гад». Ну да ладно, пусть будет Боник,

нынче такие дурацкие имена почему-то пользуются большой популярностью.

Через полчаса я уже был дома, оживлённо встреченный моими опохмелившимися друзьями. Серёга щедро накормил «вчерашним» супом, девицы визжали и восторженно меня тискали, называя добытчиком, а Андрей Иванович задумчиво произнёс по-иностранному: «Перпетум мобиле!», на что Два Витька откликнулись мгновенно, и применительно к обстоятельствам у них очень точный смысловой перевод получился: «Теперь у нас бухла будет — залейся!»

С тех пор так и повелось — деньги на опохмел стали получать от моей продажи. Правда, не всегда удачно, как в первый раз, удавалось сбежать от покупателей. Однажды один «крутой мен» увёз меня аж на другой конец города и запер на огороженном участке. Два дня я делал подкоп под забором, все лапы стёр, потом неделю добирался до дома. По дороге и с котами в схватки вступал, и от суровых бездомных кобелей улепётывал. К Серёге явился — кожа да кости, но зато как радостно все меня приветствовали...

В другой раз случилось и того хуже. Меня сторговали три вёртких узкоглазых гражданина и привели в общежитие, битком набитое такими же вёрткими и узкоглазыми. И все они сразу же принялись бесцеремонно меня лапать, громко споря, сколько надо будет ещё кормить, чтобы довести до нужной упитанности. Я долго не мог понять причины ажиотажного интереса к моей персоне, а когда уяснил, то даже обмочился со страху. И теперь знаю рецепты многих национальных корейских блюд, которые все начинаются словами: «Пойдите куда-нибудь, где продают молодых собак — они вкуснее...»

Неудачливые иностранные повара гнались за мной несколько кварталов, но я оказался проворнее.

Андрей Иванович очень удивился моему счастливому возвращению из корейской неволи и всё почему-то любопытствовал, одну только острую закуску же из меня собирались приготовить азиаты, или и другие блюда в меню предполагались? Значит, знал, старый хрен, с какой целью меня эти гурманы-извращенцы покупали. Правильно говорят: когда обезьяна стала лицемерить, она превратилась в человека...

Девушки, которым всегда хотелось «чего-нибудь вкусенького», приспособили меня ещё и для добывания съестного. Сажали в сумку и, кокетливо улыбаясь и строя глазки охране, заходили в супермаркет. В укромном углу магазина извлекали меня из сумки, загородив от камер наблюдения, совали в пасть батон колбасы или упаковку замороженных шницелей, и я стремглав летел к ожидавшей на улице Анжелке. Охранники громко матерились мне вслед, но случаи эти благоразумно скрывали и до милицейских протоколов дело не доводили: во-первых, сами, ротозеи, виноваты, а во-вторых, с кобеля какой спрос...

Так я стал главным поильцем-кормильцем и самого Серёги, и всех его прихлебателей...

Последний раз меня продали не совсем удачно, вернее совсем неудачно.

У Серёги вдруг появились соседи-москвичи, снявшие на лето дом через дорогу. К ним-то и привели меня смурные с утра пройдохи. Два Витька нахраписто меня расхваливали вышедшему к калитке мужчине, задирали за чем-то хвост и показывали «счастливое очко». Андрей Иванович, игравший роль моего хозяина, вроде бы даже сомневался в выгоде сделки и — тоже мне артист, психолог-самоучка! — делал вид, что в любой момент может передумать.

«Мила! Смотри, какого замечательного пёсика нам предлагают, — позвал жену покупатель-москвич. — Всего лишь «на литр» просят...»

Появившаяся женщина внимательно и с подозрением оглядела пришедших. Два Витька попытались и ей предъявить мой зад для осмотра, но она эти их попытки резко пресекла.

«И что ты собираешься с ним делать?» — строго спросила она мужа.

«Ну, почему с ним обязательно что-то нужно делать? Пусть просто живёт», — вполне резонно ответил ей мужчина.

Женщина, недовольно махнув рукой, подытожила: «Денег на него у меня нет!»

Теперь-то я знаю, что людские жёны почему-то всегда снисходительно и раздражённо общаются со своими мужьями при посторонних, выставляя их в самом дурацком свете перед чужими людьми, а тогда её нелогичному заявлению удивился: если денег нет только на меня, значит они в принципе есть?..

Мужчина ушёл в дом и через минуту появился с большой бутылкой джина в руках: «На бартер согласны?»

Присутствовавшая при торге Анжелка демонстративно скривилась: «Я пробовала — гадость! Как тройной одеколон, только разбавленный». Но Два Витька уже радостно кивали: «Согласны, согласны!»

Обмен тут же и состоялся, к всеобщему удовольствию...

Только не учи, проныры, мудрое жизненное правило: где живёшь — там не гадишь. Ну как, скажите, я мог теперь задать стрекача, если до весёлого Серёгина дома десятков метров, и весь двор как на ладони? Да и надоели, признаюсь, отвратительные замашки подельников — они ведь о собственном только брюхе заботились, а меня кормить забывали. Другое дело — у москвичей. У них и молока всегда вволю, и мясо на рынке они специальное выбирали — чтобы свежее и обязательно с косточкой, радостью щенячьих зубов. Новые хозяева меня и с Хасаном познакомили, у которого как раз покупали это замечательное мясо.

И каждый вечер — совместные прогулки по окрестностям. Тогда меня и стали называть Хвостиком, потому что всюду за хозяевами увязывался и ни на шаг от них не отставал. Я с москвичами и в Курортном парке побывал, и у нарзанного источника воду пил — вонючую, но, говорят, очень полезную, целебную. И даже на колесе обозрения катался. Вообще-то собакам кататься на нём воспрещено, но, как заявил со смехом мой новый хозяин, если нельзя, но очень хочется, то можно.

От добра, как известно, добра не ищут. Вот и я не искал, хотя, если честно, чувствовал себя виновато: на меня друзья понадеялись, а я надежды не оправдал.

А в бывшей моей компании жизнь стала невыносимой. Вечером ещё туда-сюда, а поутру хоть караул кричи — опохмелиться-то нечем. И вся трагедия в том, что и не предвидится...

Дней через пять к моим новым хозяевам притопала полномочная мрачно-трезвая делегация: Два Витька, Андрей Иванович и Анжелка с «доказательством» — пустой бутылкой из-под джина, на которую, только полную, они меня выменяли.

Переговоры вёл Андрей Иванович. Для такого серьёзного случая он даже галстук надел и ботинки почистил, и аргумент у него был безупречный: «Не согласны! Вертайте!». Анжелка

при этом совала под нос моему хозяину-москвичу бутылку и почему-то требовала предъявить сертификат качества. «Как тройной одеколон, только разбавленный», — твердила она безостановочно и опять показательно кривилась, демонстрируя стойкое отвращение к «одеколону».

Хозяин только удивлённо таранился на колоритную ораву. Переговоры могли бы привести и к мировому соглашению, но дело испортили Два Витька. «Возвращай, гад, нашу законную собственность!» — заорали они вдруг на москвича, не сдержав похмельных мук ожидания.

Новый мой хозяин совсем не испугался их отчаянного вопля. Он спокойно вытащил мобильный телефон и, потыкав в кнопки, передал трубку Андрею Ивановичу. И у того глаза сразу же стали квадратными. На связи был... Сам! Участковый! Уполномоченный! Капитан! Милиции! Сёмкин!

Андрей Иванович и слова в трубку не вымолвил, только кивал подхалимски да пот со лба смахивал. Когда этот телефонный «разговор» закончился, поникшая компания тихо, на цыпочках, удалилась.

И лишь поздним вечером принявший на грудь Андрей Иванович стал, как всегда, бесстрашно рассуждать о политической ситуации в мире и высказался по существу случившейся позорной утренней капитуляции: «Всё! Конец стране! С таким-то уровнем коррупции! Ну, суки...»

Странное это звание — москвичи. Всё-то у них схвачено, за всё заплачено, везде контакты. Все их молча ненавидят, но сами готовы на что угодно, только чтобы тоже так называться. Ещё один необъяснимый парадокс.

А к Серёге заявила ответственная комиссия. Я видел сквозь забор, как десятка полтора строгих тёток и мужиков сразу же принялись громко командовать и что-то писать. Час, наверно, командовали и писали. Даже через дорогу были слышны их начальственные резолюции: «За неуплату! По погашению задолженности! По взысканию штрафа!». И всё время о какой-то пене (мыльной, что ли) они твердили: пеня, пеня, пеня...

Первыми уехали судебные приставы, им в Серёгином доме поживиться оказалось нечем. И участковый Сёмкин, приданный комиссии для силовой поддержки, тоже вдруг вспомнил о не-

обходимости срочно снять свидетельские показания. И снимал он их у москвичей — под коньячок — до самой ночи.

Возможно, всё и закончилось бы, как водится, криком и писаниной, но подъехала ещё одна машина: грузовая, с работягами. И те в два счёта, срезав провода, обесточили дом, перекрыли подачу воды, а на газовую трубу поставили заглушку. Вроде и решение демократичное, коллегиально вынесенное, и приговор справедливый немедленно исполнен...

Серёга, Два Витька и Анжелка за происходящим наблюдали равнодушно, один только Андрей Иванович духарился и грозил обратиться в Европейский суд по правам человека, и ещё почему-то в ЮНЕСКО, где «во всём разберутся и выводы сделают соответствующие».

Принятые комиссией меры, я думаю, никак не отразились на устоявшемся быте и самочувствии моих бывших компаньонов, дискомфорта они точно не испытывали. Ведь воду они пили, когда другого питья не было, только по утрам и с отвращением, да и к бабке Нюре за ней всегда с ведром сходить можно. Электричеством вообще давно не пользовались, поскольку электроприборы отсутствовали, а последняя «лампочка Ильича» перегорела ещё на майские праздники.

Серёга притащил откуда-то десяток кирпичей и, специальным образом уложив их рядом с кухней, накрыл металлической решёткой — вполне приличный мангал получился. На нём и колбасу «с дымком» можно поджаривать, и барбекю из магазинных шницелей готовить. И, главное, с дровами никаких проблем: дом-то у Серёги большой и деревянный, его надолго хватит.

Так бы и жили — цивилизованно и комфортно, но Два Витька газ — из принципа! — решили восстановить. Они спёрли на чьём-то огороде поливочный шланг и с его помощью, под инженерным надзором Андрея Ивановича, организовали «временку». И даже какую-то загадочную «уплотнительную муфту», вырезанную из старой велосипедной камеры, прикрутили проволокой в месте соединения шланга с газовой трубой.

«Ништяк! — положительно оценили Два Витька собственную работу. — Хохлам такая халява и не снилась...»

...Ночью ужасный взрыв потряс улицу. От взметнувшегося в небо столба пламени стало светло, как днём. Пронзительно выли пожарные машины, подъезжали скорые, суетился народ.

«Газ рвануло! Перепились, уроды, и кран не перекрыли...» — выдвигали ошибочную версию ротозеи.

Никто ведь и подумать не мог, что инициативные Витьки, оберегая заботливо свой шланг-временку от «избыточного давления», кран на газовой трубе вообще свинтили за ненадобностью, да ещё хвастались при этом собственной изобретательностью: вечный, дескать, огонь теперь будет у Серёги.

Получилась «вечная память»...

Меж суетящихся зевак металась полуобнажённая и полупьяная Анжелка и всем в десятый раз рассказывала: «Пошла я, значит, с вечера в огород... ну, по своим делам... живот у меня схватило... А там в углу раскладуха имеется, с матрасом, я на ней и устроилась, чтобы далеко, значит, не бегать. А потом как бабахнет!» — она широко распахивала трясущиеся руки, чтобы показать необъятную мощь этого «бабаха».

Толку от Анжелкиного рассказа не было никакого, она всё больше про свой расстроившийся живот помнила, повторяла, как заведённая: «А потом как бабахнет!», и только мешала пожарным, равнодушно таскавшим кишки-шланги по огороду. Её быстро посадили в милицейский уазик и увезли, чтобы сначала проспалась, а потом, когда потребуется, дала свидетельские показания.

Потом исчезли и машины скорой помощи — помогать, как выяснилось, было поздно и некому.

Пожарные до утра неторопливо заливали головёшки дома, в котором мне было голодно и бесприютно, но который, единственный, оставался родным...

После пожара москвичи вдруг решительно засобирались уезжать. «Не хочу я жить на пепелище!» — заявила женщина мужу, и он с ней сразу же согласился. Действительно, вид из окна был ужасный и отпускному настроению никак не соответствовал и не способствовал.

«Извини, мальчик, взять с собой мы тебя не можем», — честно сказала хозяйка и погладила меня по голове.

Хозяин ничего не сказал, принёс откуда-то новенький ошейник с металлической пластинкой, на которой было на-

писано «Хвостик», и молча надел его на меня. Женщина вдруг заплакала и стала меня целовать и кричать на мужа: «Я же знала! Я же говорила! Ты никогда меня не слушаешь...» Мужчине тоже стал на неё кричать, злиться и, размахивая руками, бегать по комнате...

Потом они уехали, а я остался.

И я их понимаю: Москва ведь не резиновая, там, в столице, и без меня «понаехавших» хватает...

...Уже полгода я живу на городском рынке. И жизни моей можно только позавидовать: ем сладко, сплю мягко. Постоянного хозяина я себе заводить не тороплюсь: это ответственно и налагает обязательства. А вот просто друзей у меня много. Один из них — Хасан. Замечательный человек! Он тоже, как и Серёга, очень добрый и заботливый. Однажды, хорошо выпив и покурив с друзьями каких-то особенных папирос, он на спор отрубил мне кончик хвоста. Совсем немного, сантиметров пять... Я сначала на Хасана обиделся, потому что было больно, но потом вспомнил, как он всегда уважительно своё «жри, пожалуйста» произносит, и обижаться перестал. К вам жена, швыряя по утрам на стол яичницу и расплёскивая кофе, с таким почтением и лаской обращается? То-то и оно!

Все называют меня Хвостиком. Хотя, конечно, имя это после «обрезания» стало в некотором смысле сомнительным, и точнее было бы называть меня Короткохвостиком или ещё как, в соответствии со случившимися обстоятельствами, но у людей свои причуды, да и на подаренном москвичами ошейнике чётко ведь написано: «Хвостик».

Моё имя мне нравится. И вообще, жизнь у меня — Анжелка правильно напороочила! — удалась счастливая. Только иногда почему-то выть очень сильно хочется... ☹

Наталья Солдатова

Вкус золота

ГЛАВА I

Чужой труп

Я шла по ослепительно солнечной улице, подметая своей широкой длинной юбкой асфальт, и чувствовала себя абсолютно счастливой в этом городе, который беспредельно любила с детства. Вдруг в меня со всего разгона врезалась довольно молодая, но очень тучная женщина в очках. Я мужественно пережила этот удар и помчалась дальше, но неожиданно услышала собственное имя, в отчаянии ударившееся об мою спину, и обернулась. Этот бомбовоз, несомненно, обращался ко мне. Из чистого любопытства я решила подождать дальнейшего развития событий. Может, женщина решила, что извинений мало, и ей следует рассказать мне какую-то душещипательную историю, из-за которой она в меня врезалась? А имя моё в этом городе известно каждому второму или третьему жителю. Я, как-никак, долго работала в местной газете, а сейчас все зачитываются моими книжками про частного детектива Валентину Орлову.

— Как давно я тебя не видела! Сто лет! — услышала я за своей спиной. — А ведь именно ты мне сейчас и нужна! Ты!

— М... да? А давно мы с вами встречались? — осторожно спросила я, не переходя на «ты» и тем самым сохраняя дистанцию.

Она даже захлебнулась от возмущения и выкрикнула:

— Давно! Мы с тобой пять лет просидели в одной аудитории! И теперь ты... Ну как тебе не стыдно! Я понимаю, известная писательница и всё прочее, но нельзя же так!

Она подошла ко мне совсем близко, и тут я увидела, что её белокурые волосы всего лишь неплохой результат усилий парикмахера. Но трудился он, видимо, ещё с месяц назад, потому что отросшие примерно на полсантиметра корни волос были огненно-рыжими. Господи, неужели Рита-Маргарита? Струнка с рыжей гривой и ножками-спичечками? И как она умудрилась превратиться в такую тумбу?!

— Ну, вот ты меня и узнала... А что? Хорошего человека должно быть много! — изрекла Рита банальную фразу всех стокилограммовых дам.

— Рита-Маргарита, — медленно проговорила я. — Ты же была такая невесомая... Как бабочка... Или стрекоза...

— Да? А ты спроси, сколько у меня детей!

— Сколько?

— Четверо! Что, слабо вам? И я их всех сама выкормила, между прочим! И все пока, тьфу-тьфу, здоровые!

— Господи, как я рада тебя видеть! Как рада!

Я действительно буквально задыхалась от переполнявших меня чувств. Сколько мы вместе пережили, сколько мучились, страдали! В студенческие годы, как известно, человека посещает первая большая любовь. Её любовью был иностранец, который, отучившись у нас год, отбыл в неизвестном направлении, оставив Риту с разбитым сердцем. Моё же сердце ныло по другой причине — избранный мной юноша был поглощён наукой и не обращал внимания на девушек. Обсуждая друг с другом своих избранников, мы пытались заодно склеить свои разбитые сердца. Время показало, что нам это прекрасно удалось...

Да, но почему она всё-таки плачет? Когда я об этом спросила, Рита опасно огляделась, потом подошла ко мне близко-близко и прошептала:

— Кажется, я влипла в историю... И одной мне из нее не выпутаться... Иду я с похорон, коллегу хоронила... Женщину, с которой работала сразу после института, Александру Григорь-

евну... Я ведь уезжала на север, там и замуж вышла. А потом мы с мужем переехали сюда, сестра нам дом свой отдала, сама в Питере сейчас живёт. Ну, я и Шуру со временем переманила... Она тоже с мужем переехала... Только знаешь, годы своё берут — прежней дружбы уже не получилось... Она сама по себе, я сама по себе... Может, это из-за её болезни, не знаю...

Мы зашли в маленький скверик и присели на лавочку неподалёку от витрины ювелирного магазина. Глядя на переливающиеся всеми цветами радуги драгоценные камни и металлы, Рита вдруг вспомнила, что в том северном городке, где они жили, скоро начнётся разработка алмазов, ибо там проходит какая-то мощная алмазная трубка... неподалёку от нас остановился какой-то солидный мужчина, и она инстинктивно прижалась ко мне, прячась за мою спину.

— Господи, он на меня так посмотрел!.. Ты заметила, Наташ? Это по мою душу... Уже следят... Боятся, не отправилась ли я в милицию, ясное дело!

Я тут же уговорила Риту рассказать обо всём, что тревожит её в данную минуту.

— Тревожит! Да я же тебе говорю, что влипла! Ну, так слушай!

Но рассказ Риты оказался настолько сбивчивым, что я изложу его в собственной интерпретации, ничего не прибавляя и не убавляя.

Итак, муж Александры Григорьевны, а проще — Шурочки, позвонил Рите и сообщил, что она скончалась после долгой болезни. Рита выразила желание прийти на похороны — как-никак с этой женщиной их связывали годы совместной работы в посёлке леспромхоза. Надо сказать, что он был небольшим, все хорошо знали друг друга, новых молодых учительниц приняли радушно, поселили в отдельном доме вместе с медсестрой и заведующей клубом, и зажили они дружно, никому не мешая. В школе дела у подружек шли неплохо — Рита вела в средних классах русский язык, литературу и историю с географией, хотя последнему предмету нас на историко-филологическом факультете не обучали, а Шурочка преподавала те же предметы у старшеклассников, да ещё и тригонометрию, которую просто очень хорошо знала и любила. Однажды в школе произошёл неприятный инцидент. У медички пропали деньги, зарплата за два месяца. Рита и Шурочка не приняли близко к сердцу эту пропажу, не ахали вместе

с ней и не пытались помочь в поисках, чем навлекли на себя подозрения. Медичке показалось, что деньги могли взять молодые учительницы. Но поскольку они этого не делали, то и подозрения вскоре отпали. А потом Рита вышла замуж и уехала. Шурочка поступила так же, но позже. Их встреча после долгих лет оказалась не очень-то тёплой. Шурочка уже серьёзно болела, ездила на консультации к каким-то медицинским светилам, но не слишком надеялась на выздоровление. Иногда Рита случайно встречала её мужа, справлялась о здоровье Александры Григорьевны, но он был не особо разговорчив, отвечал одно: лечится, врачи надеются на лучшее, обещал звонить Рите, «если что», и действительно пару раз звонил ей. А через какое-то время известил её о том, что Шурочка скончалась...

Рита изъявила желание прийти на похороны и попросила указать время и место прощания с покойной.

В зал ритуальных услуг она пришла намного раньше назначенного времени. Гроб с телом уже стоял на небольшом возвышении, крышка была открыта. Рите показалось, что Шурочка сильно изменилась — видимо, сказала болезнь. Правда, её роскошные светлые волосы были всё такими же и непослушно выбивались из-за повязки, закрывавшей лоб усопшей.

К гробу подошла какая-то молодая девушка с охалкой цветов и стала раскладывать их вокруг покойной. Дождавшись, пока девушка тихо удалится, Рита приблизилась к покойной, протягивая свои розы к восковым рукам, положенным друг на друга, и... тут же отшатнулась — это были чужие руки! У Шурочки пальцы короткие, пухленькие, а у покойной они длинные, узкие...

Надо сказать, что Рита по натуре человек отчаянный, если что задумала, то обязательно выполнит! А задумала она ни много ни мало убедиться, что перед ней лежит именно Шурочка.

Ей чётко вспомнился эпизод в леспромхозовской бане, когда они, молодые девчонки, гадали, кому какая выпадет в жизни доля. Вспомнилось, как, глядя на Шурочку, завклубом Лена вдруг заявила:

- А тобой, Шурок, муж будет командовать!
- Это ещё почему? — возмутилась Шурочка.
- А ты на ноги свои глянь! На пальцы! У тебя ж большой палец меньше, чем второй! Видишь?

Все уставились на Шурочкины ноги. Действительно, её большой палец был явно мал...

Оглянувшись и убедившись, что в зале никого, кроме неё и покойницы, нет, Рита быстро сдёрнула белое покрывало и скинула с ноги покойной чёрную туфельку... Но тут послышались чьи-то шаги, и ей пришлось снова закрыть тело покрывалом — рассмотреть ногу так и не удалось. В зале вновь появилась девушка, но на этот раз не с цветами, а с двумя стульями, которые она поставила рядом с гробом.

— Господи, что это? — вскрикнула девушка, увидев упавшие на пол цветы.

— Извините, это мои розы... Я их, видимо, неправильно положила, — вежливо сказала Рита и заметила: — Мне кажется, у покойной что-то не то с ногами... Вы не находите?

— Хм... Нахожу, — девушка резким движением откинула покрывало. — Господи, да что ж это такое? Тётя Маша! Идите скорее сю...

Она не успела закончить фразу, как Рита бросилась к ней и, сказав, что покойная была её подругой, принялась надевать туфельку на ногу, пройдясь при этом по пальцам покойной... Никаких сомнений — большой палец вовсе не маленький, а обычный, как у большинства людей!

В это время к залу ритуальных услуг подъехал автобус, и из него вышли люди, пожелавшие проститься с... Шурочкой? Нет, Рита назвала про себя покойную «неизвестной». Она подошла к мужу этой неизвестной, выразила, как и положено, свои соболезнования и сказала, что неотложные дела не позволяют ей поехать на кладбище. Но в зале она оставалась до самого конца прощания и внимательно наблюдала, как вели себя собравшиеся на похороны люди. А вели они себя вполне обычно для такой ситуации, и никто не вызвал у Риты никаких подозрений.

Когда траурный кортеж двинулся в последний для усопшей путь, Рита отправилась домой, продолжая думать о произошедшем эпизоде, потому и врезалась в меня. И теперь, рассказав мне всю эту жуткую историю, она застыла, ища ответы на множество вопросов, из которых можно было выделить два самых главных: где же сейчас настоящая Шурочка и кто похоронен под её именем? Конечно, из этого следовала масса других вопросов, но я поняла одно — нам самим с этой ситуацией не справиться, тут нужен на-

стоящий профессионал. Именно таким профессионалом и была моя замечательная подруга, частный детектив Валентина Васильевна Орлова, которой я посвятила уже не одну книгу и вместе с которой расследовала уже не одно дело. А потому мы немедленно отправились к ней.

По пути я устроила Рите форменный допрос. Мне, например, было очень интересно, почему Рита и Шурочка в последние годы не были дружны так, как прежде? Только ли болезнь тому виной?

— Понимаешь, Наташ, она стала какая-то странная... Замокнутая не замкнутая, но и не открытая, как раньше... Вот у тебя бывало такое — ты говоришь с человеком, и он вроде бы слушает, но думает при этом о чём-то своём?.. То есть сам человек здесь, а его душа — совсем в другом месте...

— Да. У людей перед смертью, наверное, так бывает...

— Я это знаю. У Шурочки так было и не перед смертью...

Когда, например, они переехали в наш город, до смерти было ещё далеко... Но она постоянно думала о чём-то, чего не могла или не хотела сказать... И теперь унесла эту тайну с собой... То есть... Господи, что я говорю! В гробу-то ведь была не она!

— Может, муж что-нибудь обо всём этом знает? — предположила я.

— Может. Но я его, естественно, не спрашивала... Он тоже какой-то странный... Как замороженный... И я несколько не удивлюсь, если все эти превращения — его рук дело...

Валино агентство располагалось в самом центре города, в старом двухэтажном каменном здании, которому было почти полтора века. Когда мы приблизились к нему, сердце моё затрепетало, ведь это был дом нашего детства, и комнаты агентства разместились в нашем бывшем парадном. С трепетом открыв дверь, я широко улыбнулась подруге:

— Привет лучшему сыщику мира!

— Вот как? А в прошлый раз ты говорила про всё мироздание! — ответила сияющая Валентина, которой никогда не грозило умереть от скромности.

Надо сказать, что настроение у неё было замечательное, а это (знаю по опыту) — первый признак успешного окончания какого-то сложного дела.

Прямо с порога мы заявили Вале, что пришли по необычайно таинственному делу, но она ответила, что в таком случае

сначала приготовит нам чай, а уж потом будем говорить о загадках, и быстро накрыла на стол — бутербродики, разного вида пирожные и чашки со свежесваренным ароматным чаем. За чаепитием Рита и поведала моей подруге историю с Шурочкой, а Валя, естественно, спросила, уверена ли она в том, что в гробу действительно лежала совершенно другая женщина. Рита вновь заговорила про пальцы рук и особенно ног, а Валя попросила поподробнее рассказать, как они жили в посёлке, какой у Шурочки был характер, о её муже и о том, какую фамилию она носила.

— Григорьева, как и у мужа, — удивлённо ответила Рита.

— Девичья, я имею в виду, — уточнила Валентина.

— Девичья? Ой, я пропустила очень важный момент! Она ведь была замужем! Правда, всего ничего — то ли месяц, то ли чуть больше, вышла-то по глупости! Так что её девичьей фамилии я не знаю...

А о Шурочкином муже Рита сказала, что он был довольно симпатичным парнем, работал в леспромхозе электросварщиком, неплохо зарабатывал, но Шурочка долго не обращала на него внимания. А его, между прочим, все уважали и обращались к нему только по имени-отчеству — Николай Донатович. В результате Шурочка всё-таки вышла за него замуж.

— Но когда эта пара переехала в город, — призналась Рита, — их обоим трудно было назвать счастливыми. Особенно его. Он всё время был какой-то потерянный. При ней словно и говорить боялся, всё больше молчал. Особенно когда Шурочка заболела.

Мы говорили ещё о многом, в том числе и о Шурочкиной болезни, но думали только об одном: чья же это странная и страшная затея — похоронить под видом Шурочки другую женщину? Кому это надо? И главное, зачем? Валентина была твёрдо уверена, что мы обязательно ответим на эти вопросы!

ГЛАВА 2

Загадочная картина

Я вернулась домой, сразу же набрала воды в ванну и с блаженством кинулась в эту спасительную купель, причём с пеной и морской солью. Прерывать мой отдых было некому — всё моё семейство, состоящее из любимого мужа и двоих самых умных

в мире и необычайно изобретательных на выдумки деток, находилось дома, в Москве. Здесь же я жила в квартире сестры, которая при первой же возможности уезжала в деревню, на дачу, где пребывала и сейчас. Надо сказать, что совсем недавно мы с ней совершили подвиг — выбросили старую пожелтевшую и облезшую ванну, купили новую, а заодно сменили в ванной и всё остальное: наклеили плёнку под мрамор, обложили кафелем край ванны, примыкающий к стенам. Правда, вскоре выяснилось, что слесари выполнили свою работу на редкость плохо — вода заливала пол, и мы потребовали от них установить ванну заново. И вот, когда они её поднимали и разворачивали, весь «мрамор» на стене был содран. Как назло, в магазине такой же плёнки не оказалось, и мы решили украсить эту стену фотообоями. На них была изображена какая-то таёжная речка с крутыми лесистыми берегами. На переднем плане в воду врезался небольшой полуостров, с массой камней и такими же деревьями, короче, место совершенно дикое.

Я лежала в ванне, рассматривая эти деревья, камни, воду, небо, и пришла к выводу, что всё это довольно красиво, но лично я не хотела бы очутиться в таком месте. Не хотела бы, и всё тут! А, собственно, почему? Что меня здесь смущает? Я решила более внимательно изучить изображённый на обоях пейзаж. Сероватое небо с лёгкими белёсыми облаками... В него, словно пики, упираются верхушки елей, растущих на довольно-таки приличной возвышенности... Тёмно-синяя вода с лёгкими бликами от солнца, которое, кажется, навечно спряталось за горами, за лесами. С правой стороны, на полуострове, серые камни, напоминающие каких-то крупных животных, пришедших на водопой... Кажется, вот-вот, и они зашевелиятся... Вдруг мне стало необъяснимо жутко. Я выскочила из воды, накрывшись полотенцем, выбежала в коридор и спросила себя: в чём дело? Ответ пришёл сам собой. Там, в том месте, которое сфотографировал художник, произошла трагедия!

Немного успокоившись и придя в себя, я решила проверить свои подозрения... собственными руками. Дело в том, что руки у меня очень чувствительные. Попадая, например, в биополе человека, они тут же улавливают сбои в организме. Я могу унять головную боль, для чего мне требуется минута-другая, а однажды Валентина подсунула мне фотографию двух незнакомых людей и спросила, могу ли я определять болезни людей по снимку. Я ре-

шила попробовать. С болезнями у меня ничего не получилось, но от человека, на фотографии стоящего справа, шёл холодок, и я даже пошутила — уж не умер ли, дескать, этот товарищ? Товарищ действительно оказался мёртв — его убили...

Вот эти свои способности я и решила применить к фотообоям. Осторожно вошла в ванную комнату, приблизилась к стене и начала водить рукой по изображению леса... Затем рука моя коснулась воды, перешла к полуострову, к тому берегу, на котором находился фотограф, делая этот снимок, как вдруг... по ладони побежал предательский и уже знакомый холодок... Меня затрясло от ужаса. Господи! Ведь на этой фотографии присутствует смерть!

Я вновь стала внимательнейшим образом рассматривать обои, буквально сантиметр за сантиметром. Деревья, трава, камни, вода... Река отпадает — если это утопленник, то сквозь толщу воды я его не почувствую... Он должен быть на земле... Но его нет! Трава не так высока, ей не скрыть тела. Может, оно где-то за деревом? А может, и нет. И тут я обратила внимание на странное скопление листьев возле камней. В общем-то, фотография сделана летом, и опавшей листвы ещё мало... Её что, специально сюда сгребали? А если да, то зачем?

Меня заинтересовала какая-то жёлтая змейка, выглядывавшая из-под камня. Что бы это значило? Я вооружилась лупой, подаренной мне заботливым мужем, и стала изучать то место, где моя рука почувствовала изменение энергетики, невидимые фрагменты трагедии. Вот она, таинственная жёлтая лента... Ну, разрази меня гром, если это не пояс от одежды! Либо от валявшейся неподалёку сумки... Моя лупа несколько раз скользнула по багряным листьям, живописно лежащим на камнях. Ах, как красиво! Какой яркий осенний штрих! Стоп!.. При чём тут осень? Эта картина снята фотографом летом, трава ещё зелена и свежа, а песок, омываемый речными водами, имеет тёплый жёлтый цвет, тогда как осенью он становится серым и холодным. А что это краснеет на камне? Конечно же, кровь... Здесь совершено преступление. И этот жёлтый поясок, или ремешок от сумки, принадлежит погибшему человеку... А сам труп? Что ж, при желании его можно найти. Окажись я на том месте, то обязательно поискала бы возле серых камней, под кучей листвы... Я вдруг ощутила себя там, в этом отпечатавшемся на бумаге пространстве, словно уловила чуть слышный ветерок, влагу, поднимающуюся от реки, вдохнула

целебный запах хвои... Медленно, как сомнамбула, я приблизилась к телефону и позвонила своей Валентине. Она была ещё в агентстве, продолжала обдумывать историю Риты и Шурочки и не слишком обрадовалась приглашению немедленно посетить квартиру моей сестры по прямо-таки неотложному делу, но в конце концов согласилась. А поскольку квартира моей сестры находилась в 10—15 минутах ходьбы от Валиного офиса, я едва успела заварить чай, как услышала звонок в дверь. Ничего не говоря, я сразу же повела свою гостью в ванную комнату и указала на фотообои.

— Посмотри внимательно, дорогая. Ты не замечаешь здесь ничего особенного?

— Хм... На первый взгляд, вид как вид... Красивый и суровый... Но ведь я знаю, раз ты меня позвала из-за этих обоев, значит что-то здесь не так... И мне надо увидеть, что именно... Господи, сколько здесь тревоги! И нет птиц, ты заметила? Обычно в таких живописных местах полно птиц... Но это когда там всё хорошо и спокойно... А тут, стало быть, далеко не всё хорошо и спокойно... — вдруг взгляд Вали зацепился за багровые пятна, за жёлтую змейку и за что-то ещё, чего я не заметила. — Надо же... Я думала, что это уголок дикой природы, или, по крайней мере, здесь в массовом порядке не топчутся туристы...

— Так и есть, Валя!

— Да? А эта примятая трава? А носовой платок? — и она показала мне на маленькую тряпочку с полосками, свисавшую с одного из валунов.

Я предположила, что, если носовой платок не дуло ветром и не смыло волной, стало быть, фотограф снимал этот уголок сразу же после совершения преступления. Либо...

— Либо он сам и есть преступник! Убийца! Ты это хочешь сказать? — возбуждённо заговорила Валя. — Но ведь неизвестно, было ли здесь вообще совершено какое-то преступление... Платок? Да его мог оставить тот же фотограф, наверняка немало там потоптавшийся. Кровь на камне? Ну, разве мы можем утверждать, что это кровь! Может, там просто такой рисунок, либо на валуне есть углубление, в которое нанесло хвою с деревьев, а она покраснела на солнце...

— Хорошо, а змейка? — не отступала я.

— А змейка может быть самая настоящая! Смотря где находится это место! Словом, всё можно объяснить, дорогая моя подруга. Всё, кроме одного.

— Чего же? — с любопытством спросила я.

— Кроме этого странного чувства тревоги... Не отпускает оно меня, и всё тут! Надо же, какой сегодня день! Сначала ты повесила на меня чужой труп, а теперь вот эту картину со следами убийства... Да, убийства... Ты правильно сделала, что позвала меня. Я действительно люблю такие загадки. Люблю, люблю! Нам надо обязательно найти это место! И раскрыть его тайну!

Я ошеломлённо уставилась на подругу. В голове моей ураганом пронесли мысли о покинутом муже, неустроенных пока на лето детях, о куче дел в редакции газеты, где я работаю, о новом творческом предложении с радио... Валя почувствовала мои колебания и с пафосом воскликнула:

— Да ты представляешь, какая это будет книга! И начнёшь ты её с этого таинственного куска обоев... Ведь у тебя уже целый год не выходило ни одной новой вещи!

— А как же Шурочка? И чужой труп? Это ведь конкретно, это уже есть... Что же касается обоев... Ещё неизвестно, где это всё искать, и вообще, что нас там ждёт...

— Одно другому не помешает, — перебила меня Валентина. — Я уже говорила о твоей Шурочке с Комовым. Кое-что зависит тут от поведения её мужа. Но, скорее всего, будет так: Шурочку мы объявим в розыск... в негласный. И одновременно будем искать, чей труп похоронен под её именем. Понимаешь, с этой работой справятся и без меня. Вернёмся из нашего путешествия, и результаты уже будут как на блюдечке — и где Шурочка, и кто эта умершая дама, что так на неё похожа... Это всё мы с Володей обговорим, решим, заодно и наметим маршрут нашего путешествия.

— Как наметим? Мы же не знаем, на севере это или на юге, на востоке или на западе... Мы вообще ничего не знаем!

— Ну, почему же... Возьми-ка ещё раз свою лупу и посмотри, где были произведены эти обои.

Я последовала её указанию, и... Господи, да это же обойная фабрика в соседней области, там, где я много лет работала в областной газете и откуда совсем недавно перебралась в Москву! И даже ещё не полностью перебралась — в квартире, где мы жили, осталась часть нашей мебели, множество книг и других вещей.

— Ну вот, дорогая... Пока я тут вместе с твоей Ритой буду печься о вашей исчезнувшей Шуручке, ты поедешь к себе и спокойно выяснишь на фабрике, кто автор этого снимка, а потом встретишься с ним и спросишь, где это его угораздило щёлкнуть своим фотоаппаратом! Только одна к нему не ходи, а то можешь волку в пасть попасть! Возьми с собой Серженко!

Леонид Гаврилович Серженко, по прозвищу Серж, возглавлял там убойный отдел. Они с Валею были хорошо знакомы — судьба сводила их не в одном поединке с криминалом.

— Хочешь, заранее Сержу позвоним, предупредим, что ты едешь, — добавила подруга.

— Хочу, — обречённо ответила я, хотя ещё не решила, ехать мне или нет.

Валентина тут же взялась за дело и позвонила Леониду. Когда в трубке раздался густой и немного ворчливый голос Сержа, призывающий пожалеть его душу, рвущуюся в Москву, я попросила его повременить хотя бы дня два... Затем позвонила мужу и выложила всё как есть. Он меня так хорошо изучил, что тут же, великий актёр, решил взять детей с собой на гастроли в Питер, уверяя, что там им будет интересно. Иными словами, развязывал мне руки. Как всегда.

— В конце концов, тебе давно пора написать новую книгу! — твёрдо сказал мой самый лучший в мире мужчина.

— Ну, вот всё и улажено, — довольно проговорила Валентина. — И я чувствую, что мы стоим на пороге очень даже интересного открытия...

— А вдруг это опасно, Валя?

— Господи, как же я люблю загадки! Ну просто обожаю! И что без них была бы моя жизнь? Так, работа мозга, да время от времени победные фанфары... А здесь — сплошной адреналин!

Самое интересное, что я была с ней полностью согласна.

ГЛАВА 3 Судиться!

— Богдан Степаныч идёт! Богдан Степаныч! — предупредила всех секретарша кандидата на пост главы города.

В большом просторном кабинете немая сцена выглядела почище гоголевской. Дело в том, что команда кандидата только что узнала предварительные результаты подсчёта голосов и пришла в ужас — их шеф не прошёл на вождеденный пост, противник показал ему фигу. Фига эта была не очень велика — всего-то пятнадцать голосов, но... Но шеф об этом ещё не знал.

Богдан Степанович вошёл в кабинет, обвёл всех гипнотизирующим взглядом, отчего подчинённым становилось так же хорошо, как кролику перед удавом, и спросил:

— Ну, как наши дела?

Все молчали.

— Что-то я не вижу Пташкина с белым конём...

— Пташкин? Да он здесь, Богдан Степаныч! — проворковала секретарша и указала пальчиком на последний стол возле окна, где за монитором компьютера тщетно пытался укрыться несчастный Пташкин, в течение всей избирательной кампании уверявший шефа, что тот въедет в мэрию на белом коне.

— Ну, что, Пташкин? Каковы результаты, а?

— Да я, Богдан Степаныч, не в курсе... Ещё считают...

— Считаю! — довольно повторил шеф и вдруг спросил: — А не слишком ли долго считают, а? Неужели им там что-то неясно? И это после того, как я вбухал столько денег!

— Но ваш главный соперник... Он тоже не сидел сложа руки, — стала подготавливать шефа к негативной информации самая мудрая из всей команды, Тамара Ивановна.

— Что-то я не пойму тебя, Тамара... — насторожился шеф. — При чём здесь это? Тебе уже что-то известно, а? Говори!

— Да я вот тут подготовила все разъяснительные документы... Если вы будете подавать в суд... Они там, уверена, пачками выкидывали бюллетени тех, кто голосовал за вас...

— И что?

— И вы недобрали... пятнадцать голосов! — выдохнула Тамара Ивановна так, словно прыгнула в холодную воду.

— Я? Недобрал?! Ты что-то путаешь, Тамара...

Но по траурному молчанию остальных шеф начал сообщать, что это правда. По мере понимания своего краха он стал наливать багровой краской и выкрикнул:

— Судиться! Последнюю рубашку сниму, а своего добьюсь!

— Не рубашка им нужна, а нечто другое, — грустно заметила Тамара Ивановна.

— Нечто! Да я это нечто во все щели заталкивал! Везде, куда только влезало! Ну, заразы!

Тут вбежала секретарша, сидевшая в приёмной шефа и слушавшая местное радио, и выкрикнула:

— Весы качнулись!

— Куда качнулись? — уточнил шеф.

— То есть они качаются! Вот! Я сейчас по радио услышала...

Это всё потому, что прибавились результаты ещё какого-то участка... И теперь вы с главным соперником идёте... О, господи, ну как же это там сказали... Кажется, нос к носу... Или нос в нос...

— Может быть, ноздря в ноздю? — спросил Пташкин, ас по части лошадей.

— Вот! Правильно! Ноздря в ноздю!

Пташкин возликовал. Белый конь опять забил копытом в своём стойле.

— Ну, что ж... Будем ждать. Организуй-ка нам, Ларочка, кофейку, — обратился шеф к секретарше.

— Уже бегу! Уже завариваю! Уже вскипает!

— Все за ней! Приёмник городское радио не ловит. Будем слушать у Лары.

Команда гуськом перебралась в приёмную.

— Прошу всех сесть! — скомандовал шеф, обретя прежнюю силу духа. — А радио сделайте погромче, ради него сюда и пришли. Нам следует подготовить тылы. На войне как на войне. Выборы — ещё чище. Я просил вас заранее подумать о том, как действовать в случае поражения, но конкретное предложение услышал только от одного из вас. Остальным есть что сказать?

Все смущённо молчали, давая понять, что им и в голову не могло прийти, что шеф может проиграть.

— Так... Следовательно, один работал за всех вас. Необходимые манипуляции уже произведены?

— Так точно! — ответил майор запаса Равиль Халиулин, недавно уволившийся из вооружённых сил по причине пенсионного возраста и нашедший своё второе призвание в организации всяческих предвыборных поворотов колесницы шефа.

— И где же они?

— Как и положено, вне поля зрения!

Вряд ли остальные знали, о чём идёт речь. Кажется, лишь Тамара Ивановна догадывалась, но вида не подавала.

- Сколько?
- Семь. Но реальных, комар носа не подточит.
- Нужна полная боевая готовность!
- Ясно!
- Что-то радио замолкло, — заметил Пташкин.
- Да у них же вещание закончилось! — воскликнул Равиль.
- Тамара, позвони в редакцию, у тебя там все родные.

Спроси, может, есть новые сведения, которые они не успели передать, — распорядился шеф.

Тамара Ивановна тут же набрала нужный номер и заворковала:

— Здравствуйте, девочки, здравствуйте, красавицы! Здравствуйте и процветайте всегда и везде! Уверю вас, это возможно, особенно если мэром будет Богдан Степанович. Что? Ну, рай не рай, но нормальная творческая жизнь вам будет обеспечена. Нет, не за шесть тысяч в месяц, которые вы получаете сейчас... Когда Богдан Степанович узнал про ваши заработки...

— То сказал: им и этого много, — шепнул шеф.

— То сказал: как можно за труд, требующий таланта, самоотдачи, вдохновения, платить такие жалкие гроши! — продолжала Тамара Ивановна. — Да вы ведь знаете, я вам не раз об этом говорила. Следовательно, когда Богдан Степанович сядет в кресло мэра, то вы все...

— Вылетите с этого вонючего радио, как откаркавшие своё вороны! — шёпотом отчеканил шеф.

— То вы все обретёте, наконец, уверенность в завтрашнем дне! В чём это будет выражено конкретно? А это вы обговорите с Богданом Степановичем — наш кандидат всегда открыт людям! Что? Уже не кандидат? Не кандидат, а кто? Мэр? Не мэр, а де... — Тамара Ивановна проглотила слово, которое, команда была уверена, означало не что иное, как «дерьмо собачье». — А демократ новой волны? Ну, разумеется! И каковы же цифры? Пока второй? Даже звучит странно... Наш Богдан Степанович всегда первый! Во всём! Три? Всего три? Чао, дорогие!

Тамара Ивановна положила трубку и сообщила, что весы всё ещё качаются, на данный момент Богдану Степановичу не хватает трёх голосов. Всего трёх! Такого в её богатой выборной практике ещё не было...

— Девочки уходят. Теперь все сведения придётся брать в избберкоме.

Ларочка налила всем кофе, выложила булочки. Но шеф, не притронувшись к ним, отвёл в сторону Равиля:

— Надо подстраховаться. Иди. Дерзай. Делай как задумали. Только чтоб ветром не унесло... Камнем, что ли, придави... Или землёй... И утром такой шум поднимем! Никому мало не покажется!

— А может, всё будет хорошо?

— Нельзя рисковать, Равиль. Видишь же, что творится. Придётся сыграть этот спектакль. А то они, чего доброго, даже если я и пройду по голосам, пакость какую-нибудь придумают! А мы — встречный иск, так сказать. Флаг тебе в руки! Действуй!

— Может быть, я помогу? Недалеко от одного участка, там, где Дом культуры, — женский туалет. И я могла бы один... экземпляр определить в корзину для мусора... Ну, в ту, что стоят в кабинках, — переминаясь с ноги на ногу, предложила слышавшая разговор Тамара Ивановна.

— Какая ты у нас прозорливая, — довольно заметил шеф и, подумав, решил: — Дерзай! Иди с Равилем, он тебе даст... оружие массового поражения!

— Ах, не нервничайте, Богдан Степаныч! Вот вам кофеёчек, — и Ларочка поднесла ему чашечку с ароматным кофе.

Равиль и Тамара Ивановна ушли «на подвиг». Пташкин приготовился звонить в избберком, поняв, что теперь эта обязанность лежит на нём. Ларочка подошла поближе к шефу и прошептала ему на ушко:

— Был анонимный звонок... Какой-то тип утверждал, что доберётся до источника ваших денег... Он грозил... Ах, мне было так страшно, так страшно!

— Лара, не надо эмоций! У нас десятки таких звонков! Лучше скажи, что он говорил конкретно.

— Конкретно? Он прочёл стихотворение... Вернее, первые две строчки. А дальше сказал, вы и сами знаете...

— И что это за строчки?

— Сейчас. Я записала. Вот, слушайте... Золото три раза — это всесильный бог! И всё...

— Лара, он так и сказал — три раза?

— Ну да. Он три раза повторил слово «золото». И получилось: «Золото, золото, золото — это всеильный бог!» Вот и всё. А вы правда знаете, как там дальше?

— Правда. Недавно прочёл в каком-то детективе.

— Ой, так скажите!

— Скажу. «Здесь за это золото он в могилу лёг»... Автор детектива утверждал, что этот стих знают все сибиряки, особенно старатели, золотодобытчики. Там всегда был беспредел... Только я-то не имею к этому никакого отношения! Он сказал, чего хочет?

— Нет. Но сказал, что будет звонить ещё.

— Когда?

— Когда вы станете мэром!

— Он уверен, что я стану мэром...

— В этом уверены все! — с пафосом воскликнула Ларочка и тут же поправилась: — Мы все.

— Хорошо, Ларчик. В следующий раз будет звонить — запиши-ка его на плёночку, я послушаю... Пока не послушаю, меня с ним не соединять, хорошо?

— Разумеется.

— Вы вырвались вперёд! Ура! — вдруг радостно выкрикнул Пташкин, отрываясь от телефонной трубки.

Шеф улыбнулся. Честно говоря, он верил в свою победу — слишком много было для этого сделано. Он словно совершал восхождение на крутую гору. И вот она, вершина, уже почти рядом. И никто его не сможет оттуда столкнуть — ни соперник, ни этот золотиносный тип! С чего это ему вздумалось читать старый стих, выбитый, если верить автору детектива, на многих могильных надгробьях старателей? Да и денег у него особых нет — так, кое-что... Когда Богдан Степанович думал о своих деньгах, ему становилось неудобно и неуютно, бывали даже моменты, когда он не знал, что ему делать со свалившимся на него в жизни грузом. Груз этот в виде красивой женщины был очень привлекателен и никому в то время не принадлежал. По-видимому, она была влюблена в него, пятидесятилетнего мужчину. Они встретились в зале Дома культуры, где он, депутат городской думы, отчитывался перед избирателями. Она стала задавать ему вопросы о планах на будущее, и он признался, что хочет побороться за пост главы города. Когда основная масса людей разошлась, она и ещё несколько человек остались...

А потом они стали встречаться, и почти всегда — по её инициативе. В один прекрасный день она попросила его об услуге. Услуга эта была немаленькой, однако материальное вознаграждение за это было столь велико, что она показалась мизерной, и он согласился. То, о чём просила женщина, можно было бы осуществить и здесь, в их городе, но на всякий случай, по её настоянию, они уехали подальше, в какой-то богом забытый райцентр, и сделали всё там. После чего он смог развернуться с этими выборами... Правда, женщина заикнулась, что ей понадобится от Богдана Степановича кое-что ещё, но уже тогда, когда он станет мэром. Он дал обещание, что выполнит и вторую просьбу.

Равиль и Тамара Ивановна вернулись довольные — всё у них получилось, как и было задумано.

- А теперь будем готовить главный спектакль, — сказал шеф.
- Независимо от результатов? — ещё раз уточнил Равиль.
- Независимо!

Было решено, что утром внушительная группа людей встанет на центральной площади города перед изберкомом, развернёт плакаты с портретами Богдана Степановича и надписями «Лучшего мэра нам не надо!» и будет скандировать какое-нибудь двусстишие из тех, которые команда придумала в ходе предвыборной кампании.

— Ах, Богдан Степанович! В словах «лучшего мэра нам не надо» есть какая-то двусмысленность, — заметила Тамара Ивановна.

— Ты права, Тамара. Что предлагаешь?

— Это пусть Равиль, он мастер. А я советую организовать яркий штрих: найти старушку божий одуванчик, с благостным выражением лица, и вручить ей плакат с вашим портретом или без него, но с яркой такой надписью «Богдан — богом дан!»

Все сначала ошеломлённо уставились на Тамару Ивановну, а потом дружно зааплодировали.

— Молодец, Тома! — похвалил её шеф. — Идёт! Люди у нас религиозные, и бога упомянуть никогда не вредно, одна только польза. Да и в рифму. Хвалю! Но вы ещё подумайте, а сейчас не будем на этом буксовать. Надо определяться дальше. Как там, Равиль?

— Когда соберётся народ, вбегут несколько человек с бюллетенями, в которых против вашей фамилии стоит галочка, и будут кричать, что обнаружили их выброшенными на помойку, что это происки соперников, и так далее. Очень живо получится, уверяю

вас, всё отрепетировано. Позавчера до ночи сидели. Энтузиазм колоссальный! Тем более что я обещал им сразу же заплатить по тысяче... В тот же день...

— Размахался! Можно бы и по пятьсот!

— Энтузиазм не тот будет!

— Ладно... Дальше.

— А дальше так. В толпе, естественно, окажутся и представители противоположной стороны. Они начнут кричать, что всё это подстроено. Тут мы выпускаем дядю Никанора, мусорщика, и говорим, что каждый мусорщик утром нашёл наши выброшенные бюллетени, и все обращаются к «случайно» проходящему Никанору. Он разворачивается к толпе и заявляет, что видел на своей территории во время уборки такие бумажки, что может их и сейчас показать, если это кому-то интересно, поскольку мусоровозка ещё не приехала, и весь мусор лежит на том же месте, где он, Никанор, его оставил. Толпа двигается за ним. Ну а дальше всё понятно... Дяде Никанору пришлось заплатить аванс, иначе не соглашался. Слишком, говорит, большая жертва — почти сутки не пить.

А потом появляется тётя Глаша и говорит примерно следующее: «Батюшки светы! Смотрите, какую бумажку я в туалете наша! Государственную! Это как же можно, а?» — и так далее.

— Ладно, — прервал Равиля шеф. — Вроде всё неплохо вырисовывается. Тогда — по коням!

Утром не произошло никаких неожиданностей и срывов — спектакль разыграли как по нотам, и белый конь был, наконец, подведён к своему хозяину. И тут ему позвонили по мобильному телефону. Это была она, его фея, сообщившая, что уже знает о его победе и поздравляет своего дорогого победителя от всего сердца! Он в ответ заявил, что она дарована ему самими небесами, и прибавил, что помнит о своём обещании.

— А если я попрошу вас кого-нибудь убить? — вдруг спросила она.

— Хм... Вы шутите?

— Конечно. Конечно, я шучу... А если нет?

— Шутите-шутите! Я же слышу...

Он ещё раз поблагодарил её за помощь и отключился. И крепко задумался. Она явно не шутила и попросит то, о чём сказала. Вот они, сети... Ведь знал же, знал, что бесплатный сыр

только в мышеловке! И попался... Что же делать? В одном он был уверен — что никогда и никого не сможет убить.

ГЛАВА 4

Деревенская идиллия

В этом году Малое Евсейково приняло так много дачников, что старожилы уверяли: скоро из них будет состоять вся деревня. А всё дело в том, что здесь находится изумительный уголок природы, не омрачённый близостью к городу и не озабоченный борьбой за чистоту рек и лесов. Река, разделяющая деревню на две части, несла свои чуть ли не хрустальные воды в матушку-Волгу, до которой отсюда было чуть больше километра. Жанна чувствовала себя счастливой оттого, что ей удалось купить здесь новый дом с замечательным участком. Досталось ей это чудо, можно сказать, по дешёвке — прежнего хозяина дома угораздило в пьяном виде поспорить с соседом, а когда в этом споре он потерпел поражение, то и пальнул в своего противника из ружья. Сосед остался жив, но лишился глаза и засадил своего обидчика в тюрьму, да ещё и пообещал разделаться с ним, как только виновный вновь окажется в этой деревне. И тогда родственники меткого стрелка в спешке продали дом. С помощью местных умельцев Жанна довела его до ума и чувствовала себя превосходно. Казалось, что и личная её трагедия уже не так важна. Во всяком случае, она теперь не переживала так, как в первые недели после разрыва с мужем. Он исполнял любое её желание, но в какой-то момент она почувствовала, что ей нужно совершенно другое. Ей нужен взлёт души! А муж был слишком обыденным существом, чтобы это принять... Он хотел детей. Прискорбно, конечно, что их у неё нет, но она думает, что ещё успеет...

— Жанна Петровна! Жанна Петровна! — перебил её мысли голос молоденькой соседки Дины, звавший её с улицы. — Там Манефа кур своих обыскалась! Не у вас ли они в огороде, а? Посмотрите, пожалуйста, а то она стесняется вас беспокоить...

— Хорошо, Дина, сейчас вместе посмотрим!

Жанна сошла с крыльца, впустила девушку в калитку, и они вместе пошли осматривать грядки. Там действительно копошились

Манефины куры, которые тут же и были возвращены хозяйке. Когда они шли обратно, девушка неожиданно сказала:

— А вы знаете, Манефа-то ведь у нас знаменитость! Про неё в книжке написано! У нас тут писатель жил — вон в той деревне, где лосиная ферма... И она там тоже жила, это её потом сюда колхоз переселил. Вот он про её жизнь и рассказал...

— Интересно... А я её немножко побаиваюсь, эту Манефу, — призналась Жанна.

— Ой, да не вы одна! Она вообще какая-то... потусторонняя, как с того света...

— Колдует, что ли?

— Да не знаю... Вроде нет. Только когда идёшь мимо неё, она словно залезть в тебя норовит, прямо внутрь. Не верите? А многие именно так и думают...

Жанна верила, она сама ощущала нечто подобное, только не могла выразить этого так точно, как Дина.

Вернувшись в дом, Жанна решила дошить, наконец, шторы и принялась за шитьё. Но вдруг раздался стук в дверь, и удивлённая Жанна, не ждавшая никого, пошла открывать. На пороге стояла Манефа. Женщина впервые разглядела её вот так близко: белое, несколько одутловатое лицо, словно сливающиеся с ним глаза, тяжёлый, проникающий в собеседника взгляд... Манефа была в галошах, которые тут же скинула, и прошла в комнату босиком, приговаривая:

— А дай-ка посмотреть, соседка, как ты тут живёшь-можешь? Устроилась уже? Устроилась... Ой, милая, да красиво-то у тебя как!

— Да вот, шторы ещё не везде повесила...

— Эка беда! Всё равно красиво... — Манефа внимательно осмотрела все стены и вдруг спросила: — А фотки где? Как же ты без фоток-то?

— Какие фотки? — удивилась Жанна.

— Да все. Вся родословная ваша. Раньше в каждом доме на самом видном месте родители в рамочках висели, рядом с ними — детки, а потом уж — дети этих детей с мужьями да жёнами... Иконостас! Любили предков-то... А ты что, не любишь?

— Люблю, Манефа Ивановна... Просто нет у меня их фотографий.

— А пошто нет-то?

— Да уж так получилось. Там, где мы жили, землетрясение было. Всё мы потеряли...

— А где ж это? В Ташкенте, что ли?

— Скажете тоже! Когда там землетрясение было, я ещё и не родилась! На Алтае...

— А-а-а... Слушай, ты ведь Жанна Петровна?

— Ну да.

— А у меня сюрприз для тебя есть. Уж такой сюрприз, что ахнешь. Только пойдём ко мне!

— Извините, Манефа Ивановна, но я неважно себя чувствую. Может, в другой раз?

— В другой раз... Другого раза может и не быть, — заворчала старуха. — Я ведь на лекарствах одних держусь, сердце слабое. Так что пошли уж сейчас!

Жанна надела босоножки и покорно последовала за ней.

— Тебе Динка рассказывала, что про меня в книжке написано? — на ходу спросила Манефа.

— Рассказывала.

— Но ты книжку эту не читала?

— Не читала.

— А вот если б читала, то знала бы, зачем я тебя к себе позвала, Жанна Петровна Ратникова! Ведь Ратникова?

— Ну, конечно!

— То-то же!

Жанна не поняла, что означало это восклицание. Они подошли к Манефиному дому, огромному и почерневшему от времени. Лестница в сенях покривилась, дверь перекосило, и она закрылась неплотно. Жанне было жутковато, но она шла за старухой как загипнотизированная, не в силах остановиться и повернуть назад. Наконец они вошли в комнату. Она была большой и, видимо, самой главной в доме. Ничего лишнего — на столе только скатерть да пустая стеклянная пепельница с изображённым на ней оленем, на окнах — цветы в горшочках, на старой этажерке — немного книг да пузырьёчки с лекарствами, в углу — швейная машинка с наброшенным на неё куском ситца. И везде чистота, чего Жанна никак не ожидала. Хозяйка не торопилась уйти на кухню и приготовить, скажем, чай, как сделали бы многие в подобных случаях. Она стояла и с любопытством поглядывала на Жанну. Тогда та,

чтобы хоть как-то отвлечь от себя внимание, стала рассматривать снимки на стенах.

— Удивляешься? — вкрадчиво спросила Манефа. — Ты гляди, гляди внимательно, может, узнаешь кого...

— Нет, — честно призналась Жанна.

Старуха подошла к Жанне и ткнула пальцем в молодую женщину, обнимавшую на старой фотографии столь же молодого мужчину.

— Это вы с мужем? — спросила Жанна.

— Да. Всё мы прошли, везде поехали, поработали и домой вернулись. Ничего роднее-то этих мест нет. Ты посмотри, я ведь не зря тебя сюда позвала!

Манефа вышла в сени, которые, видимо, служили ей одновременно и кухней, и вернулась оттуда со старым гранёным стаканом, наполненным водой. Потом достала с этажерки коробочку с лекарствами, вытащила одну таблетку и запила её. И тут Жанна, глядя на одну из фотографий, воскликнула:

— Ой, как эта девушка на меня похожа! Надо же!

Манефа подошла поближе.

— Похожа, говоришь? А мужик этот? — как-то грозно спросила она.

— Что — мужик?

— Ну, может, он тоже на кого-то похож? На твоего отца, например...

— Я не понимаю...

— А я тебя, девка, никак не пойму! Я тебе представила семейство твоё, Ратниковых, отца — бывшего шахтёра, мать — она тогда не работала, а ты нос воротить да говоришь: похожи, похожи... Да ведь это вы, Ратниковы, и есть!

Жанне стало нехорошо. Как объяснить этой сумасшедшей старухе, что Ратников — это фамилия её мужа. Да и, собственно, почему она должна перед кем-то отчитываться? Не лучше ли просто взять и уйти из этого дома, где её обвиняют бог знает в чём! У её отца, кажется, несколько другой нос, а что этот мужчина тоже был шахтёром, так их в Казахстане тысячи! В одной Караганде работало больше сорока шахт! Женщина рядом с ним напоминает её мать, но и только... Все старые снимки кого-то нам напоминают. Она посмотрела на Манефу и хотела ей всё это сказать, но неожиданно

пошатнулась и чуть не упала на пол. Манефа подставила ей стул, побежала в сени за водой и вернулась с алюминиевой кружкой.

— На-ка вот... Из стакана-то я отпила, ты, боюсь, побрезгуешь, а посуды более нет никакой...

— Я... подарю вам... чашки, — с трудом ворочая языком, произнесла Жанна.

— Пошли-ка на воздух, я кликну кого-нибудь... Давай-давай, там и посидишь... А то я чего-то боюсь за тебя... Помрёшь — на мне грех висеть будет...

Жанна медленно пошла к выходу, Манефа шла за ней. Вдруг, уже открыв дверь на улицу, Жанна почувствовала, как старуха оседает за её спиной... Но боялась оглянуться, боялась упасть и лишиться сил. Кое-как сойдя с крыльца, она чуть ли не ползком добрела до калитки и тут увидела Дину, садившуюся на велосипед.

— Я за хлебом! Вам не надо? — спросила девушка, но при виде еле державшейся на ногах Жанны оставила велосипед и подбежала к ней.

— Дина... Помогите... Одна дойти не смогу...

Дина ловко подставила ей своё плечо и тихонько повела её к дому, повторяя:

— И как это вас угораздило! И чего вы пошли к этой Манефе! Говорила же я вам, что глаз у неё нехороший!

— То ли она и правда на меня так подействовала, то ли воздух у неё такой, не пойму. Ой, Дина, а ведь, когда она меня в сени провожала, мне показалось, что ей и самой плохо стало... Я тебя умоляю, ты уж сейчас сбегай к ней, проверь, не надо ли помочь... А то мне что-то за неё тревожно...

— Да ничего ей не сделается! Она у нас железная!

Дина ввела женщину в комнату и только тогда выполнила её просьбу — побежала к Манефе. Жанна разделась и легла на кушетку, решив сначала просто отдохнуть, а уж потом приниматься за дела.

— Помогите! Люди! Помогите! — внезапно раздался Динин крик.

Жанна вскочила и, уже не чувствуя слабости, бросилась к окну. Посреди улицы стояла Дина и кричала что есть мочи:

— Ой, Жанна Петровна! Да ведь Манефа-то... Манефа-то... померла!

Жанна быстро захлопнула окно, оделась и выскочила из дома. Около Манефиной избы уже собрались люди. Кто-то вошёл в дом и быстро вышел, подтвердив, что Манефа действительно умерла.

— Я захожу, а она поперёк сеней лежит и не шевелится, — говорила Дина.

Но её прервал мужчина, живший неподалёку, и заявил, что следует немедленно вызвать скорую и милицию.

— Да милицию-то зачем? — спросила Дина. — Она ведь только что жива была, вон Жанна Петровна от неё недавно вышла...

— Да, и мы с ней разговаривали, но мне там стало плохо, и я ушла на улицу, на воздух... у неё дышать было нечем...

— Ну, тогда скорую. Надо же зафиксировать...

Люди не расходились до приезда врача. Он констатировал смерть от сердечной недостаточности, спросил, не страдала ли Манефа сердцем, а получив утвердительный ответ, удовлетворённо крикнул. Дина спросила, увезут ли Манефу для вскрытия, но врач лишь пожал плечами, давая понять: мол, зачем, и так всё ясно... Скорая уехала, деревенские нашли телефон племянницы Манефы, которая не была у неё уже несколько лет, и сообщили печальную весть. Племянница с ходу заявила, что живёт одна с ребёнком и не имеет материальной возможности похоронить тётку.

Односельчане — люди с понятием, сбросились, кто сколько мог, и уже через день траурная процессия двинулась на сельское кладбище. Спокойную размеренность действий в эти дни нарушил один неприятный момент — кто-то, возможно, врач, выполняя свои обязанности, всё-таки сообщил в милицию о смерти старой женщины. Участковый милиционер поинтересовался, как жила умершая, не было ли у неё явных врагов, желавших её смерти, а также произвёл осмотр дома и унёс с собой лекарство, которое принимала Манефа.

Гроб везли на открытой грузовой машине, которую предоставил один из дачников. За ним шли человек двадцать, в том числе и Жанна Петровна с Диной. Они несли живые цветы, которые позже положили на свежую могилу...

— Такая громкая была, а ушла тихо, с миром, — заметила Дина.

— Да... с миром, — отозвалась Жанна.

ГЛАВА 5

Поиски фотографа

Итак, я приехала в город, где прожила пятнадцать счастливых лет, вошла в свою опустевшую квартиру и наметила план действий. Первым делом позвонила в родную редакцию. Коллеги сообщили мне все последние новости и заявили, что во время обеденного перерыва в месте наших неформальных соборщ, библиотеке, специально для меня накроют шикарный стол, и чтобы я даже не думала увильнуть! Я пообещала. Однако оговорила, что приехала по важному делу, и неизвестно, как всё повернётся, то есть освобожусь ли я к обеду. Потом позвонила Серженко. Леонид Гаврилович ждал моего звонка и предупредил, что ничего по нашему делу не предпринимал заранее, ибо не знает многих деталей и боится спугнуть преступника, если он там есть. Я сказала, что и сама этого не знаю, есть он там или нет, и мы договорились встретиться возле обоевой фабрики, в магазине, находящемся в том же здании. Так я выиграла время, потому что находилась почти рядом с ним.

Леонид Гаврилович появился минут через пять после меня, я показала ему фотографию, коротко рассказала о наших подозрениях, и мы тут же отправились на фабрику. Он ринулся прямо к директору, ибо всю жизнь считал, что важный разговор надо начинать с самого главного лица. Директор принял нас незамедлительно. Я тоже показала ему фотографию обоев, и мы заявили, что хотим знать их историю. Директор нажал кнопку на своём столе, и через несколько минут в кабинете появились двое: миловидная женщина в светлом шерстяном платье, похожая на овечку, с мелкими белыми кудряшками на голове, которые вышли из моды сто лет назад, и худой черноволосый мужчина в чёрных джинсах и свободном сером пуловере.

— Вот, пожалуйста, наши специалисты — Анна Сергеевна Васильева и Николай Андреевич Дегтярёв, — представил их директор. — Они занимаются фотообоями. Собственно, фабрика всю жизнь работала без таких обоев, и, слава богу, никто не жаловался. Идея освоения выпуска нового вида изделий исходила именно от этих инженеров...

Мы с Серженко представились, и я вынула из сумки фотографию своих ванн обоев, показав её сотрудникам фабрики.

— Да, — призналась Анна Сергеевна, — мы считали, что это привлечёт покупателя. Но... чем провинились эти обои? Почему ими занимается милиция? Ох, я, кажется, догадываюсь... Ну, конечно... Но мы-то ведь всегда рассматривали его как бы в отрыве от обоев... При чём тут они?

— Что, обои причастны к его исчезновению? — спросил Николай Андреевич.

По долгу службы Серженко привык немедленно вносить во всё ясность, если возможно, полную.

— Стоп, уважаемые специалисты! Обои, возможно, и не причастны к его исчезновению, но...

— Ой, Леонид Гаврилович! — перебила я Серженко, боясь, что эта парочка успеет сообразить, что сказала лишнее. — Я забыла свои записи... Повторите мне, как зовут исчезнувшего?

— Исчезнувшего зовут Алексей Степанович Новичков, — спокойно сказал Николай Андреевич. — Он фотохудожник. И, поверьте, прекрасный мастер! Ведь мы, собственно, могли запустить эти обои уже с готовых вариантов, но посмотрели его работы и решили делать своё. Словом, если говорить просто, заказали ему хорошие картинки.

— Причём нам хотелось иметь то, чего нет у других! — подхватила Анна Сергеевна. — Хотелось чего-то необычного, чтоб и величие было, и душа радовалась. Красоты хотелось, одним словом. Мы дали Алексею полную свободу. И знаете, куда он отправился?

И тут заговорил директор, до этого слушавший весь разговор с большим любопытством.

— Он отправился в Сибирь! Я выписал ему командировку. Фабрике это обошлось в копеечку, но вот эти спецы уверили меня, что дело того стоит. И, думаю, оказались правы...

— А где сейчас Алексей Степанович, и можно ли посмотреть на его работы?

— Это просто. В смысле работ... Они хранятся в нашей художественной мастерской. Мы можем туда пройти.

Анна Сергеевна ринулась было к выходу, но мы попросили её подождать, потому что ещё не узнали главного: когда, где и при каких обстоятельствах исчез фотограф Новичков.

— Не знаем, — хором ответили директор и Дегтярёв. — Он вернулся из командировки, мы запустили обои с его видами

и попросили его обработать для нас ещё несколько фотографий. Ну, нанести на них кое-какие штрихи... А он больше не пришёл. И тогда я отправился к нему домой, — объяснил Дегтярёв и подошёл к окну, показывая рукой на новый девятиэтажный дом из жёлтого кирпича. — Вон его дом. Восьмой этаж, пятьдесят пятая квартира. А его дочь — он с ней живёт — сказала, что папа исчез и она заявила об этом в милицию. Так с тех пор ничего о нём и не знаем... Не верите?

— С каких пор? — спросил Серженко.

— Да уж с месяц...

Леонид Гаврилович тут же связался с коллегами, которые и сообщили ему, что заявление от Ольги Алексеевны Новичковой об исчезновении отца действительно поступало, его ищут, но пока поиски не дали ощутимых результатов...

В мастерской, куда мы пришли, оказалось темновато и мрачновато, а Серж ещё зацепился за рваный линолеум и пролетел несколько шагов вперёд, словно вратарь за мячом. Дегтярёв включил свет, Анна Сергеевна подошла к стеллажам и вытащила нужные папки, а потом позвала всех за огромный стол, стоящий посреди мастерской, раскрыла самую верхнюю папку и стала бережно выкладывать на стол фотографии, которым, по её мнению, не было цены. Мы с Сержем внимательно разглядывали каждую из них, ведь там могла быть скрыта причина, по которой этот художник куда-то испарился. Суровая и величественная природа, а ещё, я бы сказала, на снимках недоставало солнца и радости. Как и на том, что в моей сумке... Не найдя на столе ничего похожего на мой снимок, я снова вытащила его из сумки и обратилась к Анне Сергеевне:

— Вам не кажется, что вот на этом снимке — ведь с него, я так понимаю, были сделаны обои — чувствуется какая-то тревога?

— Не знаю... Трудно сказать, это ведь у вас фото с обоев. Сейчас я попробую найти оригинал.

Она открыла другую папку и быстро нашла «мою» фотографию. Я долго не отрывала от неё глаз, потом незаметно провела над ней рукой и вновь почувствовала уже знакомый мне холодок...

— А он рассказывал, где это снимал?

— Да. Называл какое-то место, только я не запомнила...

То ли в Красноярском крае, то ли дальше... Вы уж извините. А зачем вам это?

— Просто интересно. Думаю, откуда здесь такая тревога, а? Вы ощущаете?

— Хм... Просто суровый край...

Я отошла с фотографией к окну и незаметно вытащила свою лупу. О, жёлтая змейка была здесь больше похожа на толстую верёвку. На свисавшем с ветки носовом платке ясно виднелись тёмные пятна... А пятна на камне имели кровавый цвет...

Ко мне подошла Анна Сергеевна, и я спросила, не рассказывал ли Алексей Степанович об этом путешествии, не акцентировал ли внимание на каких-то деталях, которые его встревожили.

— Встревожили? Да нет, ничего такого. Понимаете, его трудно встревожить, он ведь привык к опасностям. Может быть, Оленька что-нибудь вспомнит... Я знаю, что он очень подробно рассказывал ей о той поездке. Пойдите-ка... Кого-то он там встретил... Да, да, точно! И этот человек был ему знаком... Только... Надо же, он ведь рассказывал, а я его тогда не слушала!

И тут к нам неслышно подкрался Дегтярёв, всем своим видом показывающий, что хочет поговорить со мной наедине. Я отошла с ним в сторонку, и он доверительно сообщил, что не так давно, в начале весны, у Новичкова была персональная выставка работ, и студенты местного педагогического университета захотели пообщаться с мастером. Он согласился. По сути, они устроили обсуждение его выставочных фотографий, говорили и нелепые вещи. Особенно старалась одна студентка, Катя Крюкова.

— И мне показалось, что произошла как бы обратная реакция. Не скажу, чтобы он в неё влюбился, Анна-то всегда на страже, но эта студентка его захватила, заинтересовала, увлекла. Более чем уверен, что он её потом снимал, делал её портрет. То есть продолжал с ней общаться и после того диспута. А девушка эта родом из Сибири... Так, может, он поехал туда не случайно, а целенаправленно? Скажем, в то место, которое и она хорошо знает...

Серж между тем пытал Анну Сергеевну и целился в Дегтярёва. У него появился явный интерес к этому делу. Я шепнула Леониду Гавриловичу, что мне срочно нужно в редакцию, мы договорились, что созвонимся и наметим дальнейший план действий, и я отплыла к родным берегам.

В редакции меня встретили как героя, совершившего кругосветное путешествие на какой-нибудь папирусной лодке. Начались обнимания, целования, наконец мы уселись за стол,

но после первого или второго тоста в дверь заглянула вахтёрша и сообщила, что пришла актриса, которой назначено время после обеда, и ждёт в холле. Все с сожалением посмотрели на мою преемницу Веру Коротееву, заведовавшую отделом культуры, а она, проглотив кусочек золотистой курицы, поведала о том, что в местном театре появилась замечательная актриса, и она решила дать в газете её творческий портрет. Я спросила, откуда это чудо, и услышала, что с края земли — Сахалина или Камчатки. Что-то во мне тихонько дрогнуло...

— А как зовут твой творческий портрет? — осторожно спросила я.

— Алла Бондарева.

— Вера, она беленькая, небольшого роста, очень красивые ноги, зеленоватые глаза и чуть вздёрнутый нос?

— Да...

Все замолкли и посмотрели на меня с любопытством. Но я-то пока не была уверена, что меня ждёт ещё одно испытание — встреча с поистине родным человеком!

— Веруня, ты иди, а я — за тобой, но так, чтобы не светиться... Я хочу издали на неё посмотреть...

Мы с Верой вышли в коридор, вместе спустились по лестнице, и я осталась стоять у колонны, за которой меня почти не было видно, а Коротеева направилась к дивану, где сидела маленькая женщина в изящном костюмчике изумрудного цвета. При появлении Веры она встала, шагнула к ней, они обменялись двумя-тремя фразами и направились прямо к моей колонне, то есть к лестнице. Я дала им пройти и последовала за ними. Как только мы поднялись и зашагали по бордовой ковровой дорожке, я начала тихо декламировать первое, что пришло мне на ум.

*Мы шли по Петропавловску-Камчатскому
И представляли королевство Датское,
А ты тогда Офелией была.
Я помню, помню два твоих крыла...*

Она обернулась. В больших её глазах я увидела удивление и волну радости. Она опустила веки, закачалась и спросила:

— Я сплю?

— Нет, ты не спишь, — ответила я.

- Два крыла... два крыла... Они правда были?
- Правда, Алка!
- Как долго я тебя искала! Куда ты скрылась?
- К маме в Саратов. А ты, я слышала, рассталась со сценой?
- Да, давно. И ушла в газету. А почему ты мне не отвечала?
- У меня всё было непросто. И я хотела справиться со всем,

а уж потом...

- А ведь я всегда о тебе думала, всегда!

Я оставила Аллу у Веры, вернулась в библиотеку и сообщила, что вот только что встретила женщину, с которой работала в театре на краю света и объездила с гастрольными спектаклями весь Дальний Восток, Камчатку и прилегающие к ней острова, с которой делила последний рубль и носила один костюм на двоих. Все очень удивились — в редакции не знали о моём театральном прошлом. Да, собственно, и знать-то особо было нечего — проработала я там всего год, причём заведующей литературной частью, но играть на сцене мне приходилось нередко, потому что главный режиссёр обнаружил во мне особый дар, и я заменяла всех болеющих актрис. Год-то год, вроде немного, но сколько мы с Аллой прошли, сколько пережили!

Мои воспоминания прервал Серж — он позвонил и сообщил, что вызвал к себе Ольгу Новичкову, она сможет прийти в пять часов, а также Катю Крюкову, которая будет позже — её привезут с дачи.

Я обрадовалась — значит, мы с Аллой можем вместе провести целых три часа! И, извинившись перед всеми, мы с подругой упорхнули из редакции.

Мы шли по городу к старинному собору — наши чувства требовали чего-то величественного, — и я рассказывала Алле о своих детях и муже, а она мне — о своём друге, подчеркнув:

- Он моложе меня на столько лет, что даже стыдно сказать!

Дойдя до собора, мы прошли во двор, где стояла древняя каменная баба, привезённая неизвестно из каких мест и обладающая особой энергетикой. Я давно заметила, что если постоять с ней рядом, потрогать её, то уходит усталость, возвращается бодрость, в голову приходят свежие мысли. Вот и меня посетила такая мысль — показать Алле фотографию, увековеченную в обоях.

— Посмотри-ка, дорогая... Это тебе ничего не напоминает? — спросила я, протягивая ей снимок Новичкова, реквизированный мной на фабрике.

Алла взглянула на фотографию, потом на купола собора, затем опять на фото и вдруг сказала:

— Надо же... Конечно, это то самое место...

— Какое место? — тихо спросила я, боясь спугнуть её воспоминания.

— Понимаешь, нельзя, конечно, ничего утверждать... Снимок — это снимок. Нам с тобой надо просто его сравнить... — Алла говорила загадками.

— С чем сравнить?

— Ну, с теми фотографиями, что давали тогда в газетах прямо с места происшествия!

— Какого... происшествия?

— Как — какого? С тем самолётом...

— С каким самолётом?

— Да который был набит золотом!

Я чуть не грохнулась в ноги каменной бабе, однако постаралась не показывать вида, что меня это сильно взволновало, и осторожно спросила:

— И... как, ты сказала, всё это можно проверить?

— Ну, в библиотеке, наверное... Взять подшивки центральных газет и найти...

Правильно. Но для этого следует знать одну малость — дату происшествия. Значит, надо сначала связаться с Сержем, и только когда он всё узнает...

— Я и дату тебе могу сказать! Мне тогда приз вручали за лучшую роль в спектаклях для детей... Знаешь, кого я играла, да ещё сразу в нескольких сказках? Лису! А приз был не просто приз, к нему прилагалась очень даже неплохая сумма денег! Я вот и этот костюмчик тогда купила!

— Господи, так значит, это было совсем недавно?

— В конце весны. Или в начале лета. Да ты что, не слышала разве по радио, не читала? Подожди... Когда у нас День защиты детей?

— Первого июня.

— Вот! Это и было первого июня! И на следующий день наша областная газета напечатала мой портрет и фотографию, где

мне вручают приз. На первой странице... А на второй были помещены снимки с предполагаемого места падения самолёта. Слушай, а ведь я храню все газетные вырезки про себя, обожаемую. Пойдём посмотрим? Самые лучшие снимки, точно знаю, были напечатаны именно в наших газетах, а не в центральных, — Алла бегом бросилась к себе домой, в квартиру, которую выменяла на свою, сибирскую. Но бежала она почему-то напрямик к моему дому!

— Алла, а почему ты сказала — с предполагаемого места падения? Разве там не нашли обломков, останков и прочего? — спросила я на ходу.

— Кажется, не нашли...

Мы подбежали к моему дому, и я, удивлённо посмотрев на Аллу, сказала, что живу здесь, в своей брошенной, пустующей квартире... Оказалось, что Алла поселилась прямо подо мной!

— Ой, Наташ, а я так радуюсь! Вверху — тишина, никто по потолку не бегают!

Да, думаю, приехала бы ты немного раньше, когда мои дети устраивали дома всевозможные гонки с препятствиями и бои без правил! Подумала, но не сказала — зачем шокировать старых друзей?..

В квартире у Аллы всё было по-походному, вещей — раз, два и обчёлся, поэтому мы быстро отыскивали газетные вырезки с награждением актрисы Бондаревой. Одна газета сохранилась даже целиком. Я открыла её на второй странице, и... Да, типография в том городе, где Алла получала награду, отставала от своих современных сестёр века этак на полтора. Снимки с места трагедии были нечёткими, некачественными. Можно сказать, что это то же самое место, что и на обоях, а можно и не сказать.

Алла между тем открыла ещё одну папку и объявила мне, что в ней она собрала вырезки из молодёжной газеты. Я взяла одну из них — прекрасная печать, офсет. Алла быстро нашла мне таёжные снимки с подписью об упавшем и исчезнувшем здесь самолёте. Причём молодёжка позволила себе раскованно намекнуть, что авиакатастрофа далеко не для всех могла оказаться неожиданностью, и не исключено, что у неё существуют организаторы. Следующий номер оказался ещё смелее, там звучал вопрос «а была ли вообще авиакатастрофа?»

Прочитав всё это, я прижала к груди снимки — они как две капли воды походили на те, что лежали в моей сумке...

Вот с этим бесценным грузом я и появилась на пороге кабинета Серженко.

ГЛАВА 6

Дочь — об отце, поклонницы — о мастере

В кабинете Сержа не было никого, кроме хозяина, и я сразу же разложила перед ним газетные вырезки вместе с фотографией. Он внимательно прочёл всё, что там было написано, сравнил фото с газетными снимками и присвистнул:

— Ни фиги себе! Вот что значит свежим и опытным глазом посмотреть на кусок обоев...

— Глазом ясновидца, — добавила я.

Серж сложил все вырезки вместе с фото в новенькую папку и, оставив меня одну, удалился, полагаю, в соседний отдел, сотрудники которого способны отыскать в компьютерных дебрях всё, что было связано тогда с этим несчастным самолётом...

Вернувшись через какое-то время, он огорчённо проговорил:

— С самолётом этим, оказывается, всё глухо. Ребята сейчас стараются найти хоть что-то новое, но пока впечатление такое, что он словно в чёрную дыру провалился!

Разговор с Олей оказался на редкость безрезультатным. С её помощью мы составили список друзей Новичкова, близких ему людей, чтобы поговорить и с ними. Оля заметила, что всех уже обзвонила, к некоторым ходила домой, но никто не общался с Алексеем Степановичем после его сибирской поездки.

Я напросилась проводить Олю — она неважно себя чувствовала, и мы вместе оставили кабинет Серженко.

Я довела её до самой двери их квартиры, а потом как-то незаметно оказалась в прихожей, помогла ей расстегнуть босоножки (она не могла наклоняться — болела голова), провела в ванную, посоветовала подольше подержать руки под струёй воды, чтобы снять давление, а потом усадила её в кресло. Затем заварила чай и принесла ей на подносе этакий лёгкий ужин с бутербродами. Она мне благодарно улыбнулась, и наша беседа началась.

— А знаете, почему у папы всё получалось? — вымученно улыбнулась Оля. — Он всегда верил в удачу... Описывал её как вполне живое существо, которое любит, чтобы его холили, лелеяли,

обожали... Он её как бы видел, говорил с ней... Поэтому ему так и везло... Собственно, ведь его работы сразу получали признание... Выставок у него было — не счесть! — Оля призналась, что даже когда её мать покинула семью, отец пережил это достойно только потому, что рядом была удача. — Однажды отец неожиданно сказал одну фразу, которой я сначала не придавала особого значения: «Удача не любит тайн». И прибавил, что ей всё и всегда должно быть понятно. А когда я спросила, почему не любит, он ответил, что, поскольку она существо всё-таки отличное от человека и не обладает его умом, его мозгами и способностью анализировать, то в подобных ситуациях попросту отворачивается от него, и всё!

— Оля, а у вас есть хоть какие-то доказательства того, что удача действительно начала от него отворачиваться?

— Да как вам сказать... Он стал нервным, раздражительным. У него в последнее время не всё получалось... Да, вспомнила! Не так давно он признался, что встретил где-то в тайге или в горах одного человека и не понимает, к добру это или к худу... Эх, если бы я могла предположить, что с папой случится беда, то слушала бы каждое его слово! Сама бы обо всём выпросила!

Итак, если следовать логике того небольшого, что сказал Новичков, во время своего путешествия он столкнулся с какой-то тайной. И если предположить худшее, тайна эта могла иметь криминальный характер. Именно поэтому его и убили. Если действительно убили...

Я попросила у Оли разрешения хорошенько осмотреть всю квартиру, хотя знала, что милиция здесь уже побывала. В доме было много работ Новичкова, но меня особенно интересовали те, что были сделаны после роковой поездки. Их оказалось всего двадцать с небольшим, а среди них и та, что скрывалась в моей сумке. Я поинтересовалась, а где же остальные? Оказывается, это всё, что он привёз... Непонятно — ехать в столь длительную командировку для того, чтобы отснять там лишь одну плёнку... Такого не может быть!

— Я тоже удивилась, — сказала Оля, видя моё недоумение. — И даже спросила его об этом. Но он ответил что-то невнятное, дескать, всякое ведь бывает...

Несколько снимков показали мне чрезвычайно интересными — на них было изображено то самое место, только несколько в другом ракурсе. Естественно, я их тут же реквизировала, чтобы

показать Валентине, а прощаясь, взяла с Оли слово, что если она вспомнит что-то ещё, то обязательно свяжется с нами.

Когда я пришла в кабинет к Сержу, Катя Крюкова уже сидела у него и выдавливала из себя сведения, которые нам и так были известны. Это была довольно блёклая и, как мне показалось, неуверенная в себе, совершенно равнодушная ко всему девушка. Но как только разговор зашёл о работах Новичкова, она преобразилась буквально на глазах. Оказывается, о фотографии она могла говорить часами. Я воспользовалась этим и положила на стол перед ней последние снимки Алексея Степановича, взятые у Оли. Она смотрела на них минуту-другую, не больше, и отодвинула фотографии в сторону со словами:

— О, нет, нет! Это не искусство! Вы что, не видите?

— Почему же? — возразила я. — Вот этот снимок взяла, например, обойная фабрика... Хороший вид, хоть и суровый...

— Нет! Это всё не то, не его душа... Тут нет спокойствия, размеренности, уверенности... Как будто кто-то давил на него — щёлкай, или мы тебя самого щёлкнем! Уверена, что так оно и было... Он просто не сказал, не захотел никого тревожить... Это всё она...

— Кто — она?

— Не знаю. Понимаете, там что-то произошло, прямо на его глазах... Я пыталась высказать ему своё мнение об этих работах. Ему, видимо, стало неудобно за такую халтуру, и он решил оправдаться. Вот и приоткрыл завесу... Очень, правда, туманно изъяснялся. Я поняла, что он встретил в тайге какую-то женщину, и они не то чтобы познакомились, а так, перебросились словами, а потом, когда я стала допытываться, кто да что, он сказал, что её уже больше нет... Конечно, эти слова ни о чём не говорят, но я видела в те минуты его лицо! И уверена, эта женщина мертва!

— Предполагаю, что, если Новичкова заставили умолкнуть, он знал, кто убийца! — разумно рассудил Серж.

— Да. Следовательно, он встретил там не одну женщину, а кого-то ещё, — предположила я.

Девушка призналась, что очень много думала о том же, и если всё так, тогда непонятно, почему Алексею Степановичу дали вернуться в родной город, где он успел сделать все самые срочные свои дела, и только после этого исчез.

— Может быть, там, на месте, ему удалось скрыться, сбежать от них, а уж потом они его вычислили и достали? — предположила

она. — Ведь он вернулся сам не свой... О, я вспомнила одну его фразу... Сейчас-сейчас, постараюсь передать её вам дословно... Вот: «Катерина, как бы ты отнеслась к картине, где мадонна пускает кровь младенцу? А?». Вот что он спросил! Я сказала, что это невозможно, а он ответил, что я ещё маленькая и ничего не понимаю...

После её ухода мы с Сержем стали думать об этой мадонне с младенцем. Не хотел ли Алексей Степанович таким вопросом дать понять, что убийца — женщина? И жертва, как мы поняли, тоже женщина. А может, это вообще одно и то же лицо?

Прямо от Серженко я позвонила Валентине и передала ей всё, что нам удалось узнать, в том числе и с помощью моей Аллы. И после этого с чистой совестью отправилась к ней, благо спектакля у Аллы в тот день не было.

— Наташ, я чувствую себя как в стоячем болоте, — заявила она мне после того, как мы выложили друг другу все оставшиеся новости.

— Ты это к чему? — насторожилась я.

— Ну ведь поняла же, поняла, чего прикидываешься! Возьми меня с собой! Мне так осточертела сцена! Хочется настоящей жизни, движения, чтобы ветер в лицо! Хочется почувствовать себя вольной птицей! К тому же я пока ещё мало занята в театре.

— Хорошо бы вольной, — ответила я, — а то ведь можем и в клетке очутиться. Ты же понимаешь, насколько опасно наше предприятие...

— Но ты же идёшь! То есть едешь! И эта твоя Валентина... Я, между прочим, стрелять хорошо умею. И ещё я очень выносливая, могу без отдыха пройти километров двадцать, может, больше. Во всяком случае со мной вы сумеете разыграть любую сцену, чтобы отвлечь внимание... Или, наоборот, привлечь... Ну, мало ли что придётся там изображать!

Неожиданно нас прервал звонок на моём мобильном телефоне. Звонил Серженко, он сообщил, что Оля вовсе не последняя, кто видел Новичкова живым. Оказывается, в тот день, когда он не вернулся домой, его видели на прогулочном пароходе. День был ветреный, погода неважная, народу мало. Он сидел на верхней палубе с какой-то женщиной в монашеской одежде. В руках у неё была корзина.

— А пароход по-прежнему ходит к монастырю?

— Да, но там не останавливается. Разворачивается — и назад. Только когда он плыл обратно, Новичкова и этой женщины на палубе уже не было...

— Может, они просто спустились вниз?

— Она — да. А вот он исчез. Дело в том, что на этом самом пароходе плыла наша Татьяна, ну, эксперт, вы её знаете...

— Маркова?

— Да. А она знакома с Новичковым. Однажды он помог ей провести экспертизу каких-то снимков. Там, на пароходе, они увидели друг друга и поздоровались. Так вот, когда пароход приплыл обратно и все стали выходить, Татьяна решила пообщаться с Алексеем Степановичем, но он не появился... Так что, скорее всего, исчез где-то по дороге. Узнавал я у дочери — плавать он умел, но плохо, метров на 20—25 его только и хватало, а потом — как топор. Поэтому, если ему помогли прыгнуть за борт, да ещё и ударили по голове чем-нибудь тяжёлым, искать его надо в нашей реке. С водолазами я уже договорился.

— Интересно бы получить подробное описание этой монашенки...

— Да Татьяна набросала фоторобот!

— Ой, сделайте копию, я обязательно отвезу её Валентине!

«И покажу Рите-Маргарите», — добавила я про себя.

Может, эта монашенка — новообращённая Шурочка? Всё в этой жизни возможно...

Итак, Новичков, скорее всего, лежит на речном дне, Алла делает передо мной кульбиты, Валя собирается забрать меня в Сибирь, потому что считает, что трагедия началась там...

И вдруг у меня всё сложилось в одну картину, хоть тут же пиши сценарий и снимай художественный фильм! Новичков едет в тайгу работать. Случайно встречает там женщину. Она ему неинтересна — он идёт дальше. А через некоторое время снова натывается на эту женщину, только она уже убита... Возможно, он кричит, зовёт на помощь... Лучше бы он молчал. Убийца его слышит, замечает и хорошенько запоминает. По каким-то причинам он не может тут же убить фотографа, но позже, скорее всего, всё же стреляет в него. Но судьба пока хранит художника, ему удаётся незаметно скрыться.

Но я тут же задала себе два вопроса. Почему я говорю об убийце в мужском роде? Новичков ещё там, в тайге, понял,

что убийца — женщина! Он её видел! Он с ней, по моим предположениям, разговаривал! Тогда как объяснить, что Новичков сидел на палубе рядом с убийцей? Это был мой второй вопрос. И на него есть несколько ответов. Либо эта женщина с корзиной не убийца, а просто случайная попутчица, либо она всё-таки преступница, но он не решился поднимать шум на весь пароход, к тому же она могла ему и угрожать... И последнее: монашеская одежда меняет человека до неузнаваемости... Вдобавок, немного грима на лице, чуть изменить рисунок бровей... Вот и всё! И Новичков мог спокойно разговаривать с монашкой, не подозревая, что это та самая женщина из тайги... Могло такое быть? Могло! Хотя с Новичковым маловероятно, всё-таки он художник и лица запоминает не так, как большинство людей.

Словом, пока одни только вопросы и предположения...

ГЛАВА 7

Первые подозрения

Жанна вышла на улицу и, взбравшись на пригорок, оглянулась. К дому Манефы подъезжала милицейская машина. Поскольку это её совершенно не касалось, она пошла дальше, но вдруг увидела вдалеке бежавшую ей навстречу девушку в синем спортивном костюме.

— Жанна Петровна! Жанна Петровна! Где вы? — это была Дина.

Увидев Жанну, она подбежала к ней и взволнованно говорила:

— Я уж искричалась вся. Милиция там приехала, всех к себе требует! Тех, кто рядом с Манефой жил... Особенно вас, Жанна Петровна. Потому как вы последняя Манефу нашу живой видели... — Дина, кажется, хотела ещё что-то добавить, но они уже подошли к дому Манефы, у которого стояла машина с мигалкой.

При появлении женщин из неё вышли два милиционера. Один, небольшого роста, с капитанскими погонами, представился Георгием Григорьевичем Графовым, другой оказался старшим лейтенантом Валерием Сергеевичем Савиным.

— Жанна Петровна, не скрою — жду, что вы пригласите нас к себе, и уж там поговорим, — сказал Графов.

— Приглашаю! — Жанна сделала широкий жест, означавший, что она зовёт к себе всех присутствующих, однако милиционеры попросили Дину остаться. Жанна отметила, что в дом они вошли по-хозяйски, даже обувь не сняли, уселись за стол, Валерий Сергеевич вытащил из сумки бумаги, разложил их перед собой, а Георгий Григорьевич размеренно и чётко заговорил:

— Допускаю, Жанна Петровна, что наши вопросы покажутся вам странными, ну да уж какие будут. Во-первых, скажите, давно ли вы знакомы с Манефой Ивановной?

— Я знакома с ней ровно столько, сколько здесь живу. То есть несколько недель. Раньше никогда её не видела.

— А с какой целью вы посетили Манефу Ивановну незадолго до её смерти?

— Сначала мы с Диной отнесли ей кур, которые забрели в мой огород. Это были её куры. Потом я вернулась, уселась шить вот эти шторы... И тут ко мне пришла Манефа, всё осмотрела и сказала, чтобы я непременно и незамедлительно пошла к ней, по-соседски. Видит бог, я не хотела! Она мне, как бы это сказать...

— Не нравилась? — спросил Георгий Григорьевич.

— Не то чтобы не нравилась, а казалась какой-то жутковатой. Взгляд у неё нехороший... Но я пошла, как покорная овечка... Она меня, думаю, просто загипнотизировала.

— Вы пошли. А теперь подробно расскажите, что вы делали в её доме.

— Смотрела фотографии на стенах, а потом упала в обморок! Вот что я там делала!

— Вы увидели на снимках что-то такое, от чего упали в обморок?

— Господи, да нет, конечно! Там же фотографии всей Манефиной родни, я никого из них не знаю, с чего мне от них падать в обморок? У меня просто сердце схватило от спёртого воздуха. У неё все форточки были закрыты...

— И вы их открыли! — торжественно произнёс Графов.

— Да нет, с чего вы взяли? Я ничего не трогала. Просто мне сделалось дурно, и я пошла на свежий воздух. А она, Манефа, шла за мной. Потом, когда я уже на крыльцо выбралась, мне показалось, что она как-то осела за моей спиной. Но так кружилась голова, что я думала об одном — как бы добраться до дома и лечь. Спасибо, Дина помогла...

— И больше вы к Манефе не ходили?

— Нет, конечно. Я легла, а потом услышала, как Дина зовёт на помощь.

— Хм... Как вы думаете, зачем Манефа Ивановна вас к себе пригласила, а? Судя по рассказам всех, кто знал эту старушку, человеком она была нелюдимым, лишних разговоров ни с кем не заводила. А вас вдруг в гости пригласила! Чем вы её так привлекли? Что она вам хотела сказать или сказала?

— Мы говорили минут двадцать, в основном о фотографиях, висевших у неё на стене. А потом мне вдруг стало плохо, и Манефа дала мне воды и что-то сердечное...

— Что именно?

— Да я и внимания не обратила, не знаю! Кажется, корвалол.

— Вы выпили лекарство и открыли форточку?

— Нет, я не открывала никакой форточки!

— Тогда кто же её открыл? — удивлённо спросил Графов.

— Откуда же мне знать! Я ведь только о себе говорю, — печально сказала Жанна. — И вообще, какая разница? Может, Дина её открыла, когда увидела старушку мёртвой...

— В том-то и дело, что Дина не подходила к окну! — с жаром проговорил Графов. — И если ни вы, ни она форточку не открывали, следовательно, это сделал кто-то другой. И мы пытаемся установить, не мог ли к Манефе Ивановне после вашего ухода и до прихода туда Дины зайти кто-то ещё... Как вы думаете?

— Не знаю... Повторяю, я чувствовала себя очень плохо, а у меня в такие минуты чувство времени притупляется. Сколько я пролежала на диване, прежде чем услышала крики Дины с улицы, не знаю...

— Понятно. Но когда вы уходили от Манефы, она была ещё жива?

— Ну да. Я же сказала — она меня до двери проводила. Шла за мной...

Затем Графов стал расспрашивать, о чём ещё говорили они с Манефой.

— О людях на фотографиях. О ней и её муже, об их молодости... О тех, с кем они работали на целине. Она спрашивала, не знаю ли я кого-нибудь из них. Я, конечно же, не знала. Да и откуда знать, если всё это происходило аж в пятидесятых...

— Но почему она всё это говорила именно вам? — спросил Графов.

— Трудно сказать. Видимо, у каждого человека наступает момент, когда ему необходимо выговориться. Может, она чувствовала, что скоро умрёт, а может, ей показалось, что из всех, кого она знает, именно я её пойму. Так бывает...

— Да. Бывает. А знаете, чего я от вас жду, Жанна Петровна? Жду и никак не дождусь!

— Не знаю, Георгий Григорьевич. Скажите!

— Придётся. Какой всё же секрет она вам открыла, а? Какой сюрприз преподнесла?

— Хм... Уверяю вас, никаких секретов и сюрпризов! С чего вы взяли?

— Да кое-кто из соседей слышал, как она грозилась преподнести вам сюрприз.

— Вообще-то, это я пообещала ей сюрприз. Хотела подарить кое-что из посуды.

— Но вы же не были у неё раньше и не знали, в чём она нуждается! Может, у неё в доме целая посудная лавка? — заметил Графов.

— Раньше не была. А вот пришла и увидела, что у неё и пить-то не из чего. Поэтому решила сделать ей подарок. Я вообще не понимаю, что означает весь этот допрос? В чём вы меня подозреваете? Чего от меня хотите?

Савин молча собирал свои бумажки, в которые что-то записывал по ходу дела, а Графов пристально смотрел на Жанну и, по всей видимости, обдумывал, стоит ей говорить правду или нет. Решил, что стоит.

— Понимаете, есть мнение, что Манефа умерла не своей смертью, что ей помогли убраться на тот свет...

— О, господи! Как это?

— Результаты вскрытия показали, что смерть наступила от острой сердечной недостаточности. А эта самая сердечная недостаточность — от передозировки лекарств, которые она принимала.

— Бедная Манефа! Взяла, скажем, две таблетки вместо одной, я правильно поняла?

— Да, примерно так. Но все соседи в один голос твердят, что она была очень аккуратной и ошибиться так не могла. Вот мы и ищем, кому была выгодна её смерть. А точнее, ищем человека,

которому Манефа Ивановна мешала, кто видел в ней угрозу своему существованию...

— Угрозу? — с явным интересом переспросила Жанна.

— Тут я могу сказать, Жанна Петровна, — заговорил Савин, — что, когда Манефа Ивановна пришла в милицию, её направили ко мне. Это наш участок, а я как раз дежурил в отделении.

Манефа приходила в милицию... Когда? До своей смерти? Жанна чуть не рассмеялась своим мыслям — ну, конечно же, не после собственных похорон! Так, и что же дальше? Она спросила об этом вслух, и Савин продолжил свой рассказ, явно следя за её реакцией. Интересно всё же, чего они от неё хотят?

— Манефа Ивановна говорила загадками. Употребляла всякие шутки-прибаутки, иносказательность... Например: уточка идёт, с боку на бок переваливается, а ворон уж тут как тут! И непонятно было, то ли ворона она имела в виду (тогда почему не коршуна?), то ли воронка, на котором преступников возят... Что вы так вздрагиваете-то, Жанна Петровна! Я ведь ещё до главного-то и не дошёл...

— Да вы жутко как-то рассказываете, — призналась Жанна. — Мне прямо холодно стало...

— Так вот, рассказала Манефа Ивановна, что недавно узнала кое-что о некоем человеке, который вроде не должен был здесь появляться...

— Господи! О мёртвом, что ли?

— Хм... А вы подали нам интересную мысль... Но пока оставим её в стороне. Человек этот самый что ни на есть живой. Но дело в том, что он... преступник. Я даже понял, что убийца. И место его за решёткой. А он спокойно появляется в Малом Евсейково...

— Надо же! А... кто это? — с интересом спросила Жанна.

— Манефа Ивановна этого не сказала. Но пообещала, что проверит свои подозрения и обязательно известит нас о результатах. Да вот не успела, — с горечью добавил Савин.

— Жаль. Пойдите! Она ведь и мне что-то такое говорила...

— Что? Вспомните, прошу вас! — взмолился Савин.

— Сейчас... Она сказала что-то о том, что в наше время никому нельзя жить спокойно, и что я, например, тоже не могу чувствовать себя в безопасности... Но — ничего конкретного. Стало быть, если она не ошиблась, этот преступник и сейчас мо-

жет разгуливать по деревне, — с тревогой сказала Жанна. — А я, между прочим, одна живу. Надо хоть оружие какое-нибудь купить.

— Купите, — откликнулся Графов.

Милиционеры ушли, пообещав вызвать Жанну к себе, дабы она скрепила своей подписью весь их разговор.

После их ухода Жанне стало так тревожно, что она не могла оставаться одна и бросилась в огород, где последние несколько дней практически ничего не делала. В критических ситуациях спасти может только трудотерапия. Любая, лишь бы не сидеть сложа руки. И Жанна приступила к очистке клубничных грядок, а потом и капустных, и кабачковых, и свекольных, и морковных... Она работала до темноты и рези в глазах, пока не почувствовала, что действительно немного успокоилась. Кому, в самом деле, она нужна! Ну, ходит где-то здесь преступник, и пусть ходит. Что он ей может сделать? Ограбить? А что с неё взять — серьги, два колечка? Не потащит же он мебель либо посуду...

Тут к забору неслышно подошла Дина.

— Добрый вечер, Жанна Петровна!

— Добрый?

— А и не знаю... Душу из меня эта милиция вытрясла...

Что про кого Манефа говорила, к кому ходила, с кем дружила, и всё такое прочее. Но с вами, я заметила, они дольше разговаривали, чем со мной... Я уж им Манефу всю расписала, как она есть! То есть была... Про одно только забыла сказать. Думаю, позвонить, что ли? Вдруг это важно...

— Ты про что?

— Про Манефино... хобби. Увлечение. Только не знаю, сохранилось ли оно у неё... А вот в прошлом году, когда я покупала у неё огурцы, она дала мне почитать страничку... Бред какой-то... Курица лапой...

— Какую страничку?

— Так ведь она тогда вроде как книгу написать задумала! О своей жизни... Это писатель с лосиной фермы ей, видно, голову скрутил. Говорила мне — всё опишу как есть! Про мою жизнь не одну книгу надо писать, а десять! Я, конечно, поддакивала, не хотела её обижать...

Жанне стало интересно. Может, Манефе действительно было что сказать миру? Никогда ведь не знаешь, какиеклады таятся в душе человеческой.

— Ой, да что вы! — воскликнула Дина. — Я тогда ту страничку прочитала и подумала — ну, чистый дневник! Знаете, там было примерно так: подошли к такому-то человеку, сказали ему то-то и то-то, он ответил так-то и так-то... Через час поехали туда-то, чтобы сделать то-то... Ну, всё в том же духе... Прямо протокол какой-то. Так вот я и подумала: может, она и перед смертью всё фиксировала на бумаге? Так надо сказать милиции-то, чтобы поискали... У меня нет телефона, можно с вашего позвонить, а?

— Конечно!

Из глубокого кармана рабочей кофточки Жанна с готовностью вытащила мобильник, нажала на нужные кнопки, но...

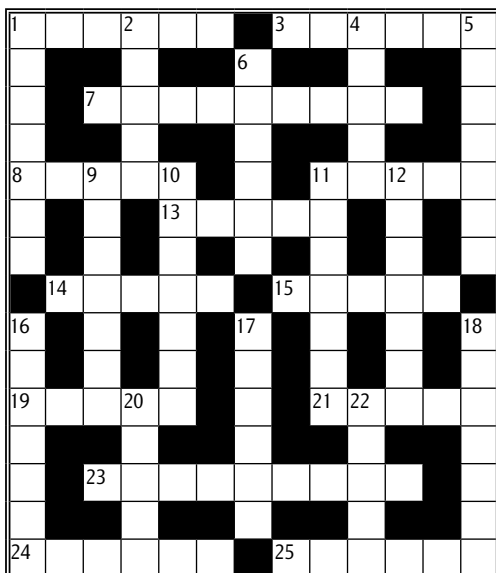
— Тыфу, деньги кончились! А я карту телефонную не купила, надо же! Завтра же съезжу в город, куплю. А тебе придётся сходить к кому-нибудь другому. Или пойдём ко мне, посидим, всё равно в отделении, наверное, уже нет никого... А завтра позвонишь.

— И то правда!

Они просидели допоздна — девушка рассказывала Жанне о своей невесёлой жизни, о первой любви и первой потере, а Жанна — о разводе и непростых отношениях с мужем, о том, что в них обоих теплится надежда начать всё с самого начала, хотя это и было не совсем так.

А потом, уже глубокой ночью, Жанна проводила Дину до самых дверей и даже дождалась, когда она зажжёт в своих сенях свет. Обрато Жанна шла быстро, почти бежала, подсвечивая себе фонариком. А невдалеке тёмной мрачной горой возвышался Манефин дом, в котором не было ни огонька... Один мрак и ужас... ☛

Продолжение следует

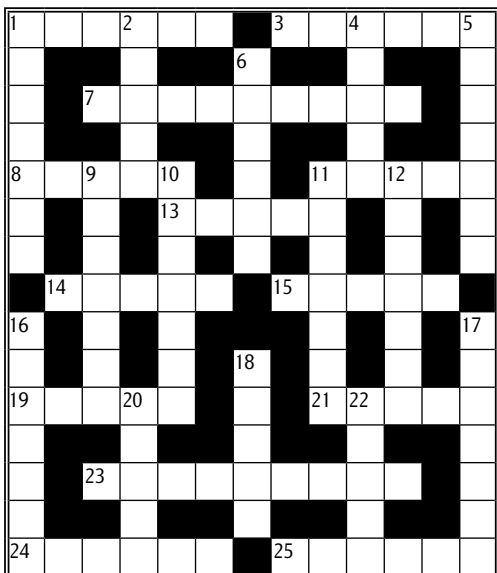
По горизонтали: 1. Небольшая пристройка к зданиям и сооружениям перед наружными дверями, или проходное пространство за ними. 3. Государство в Западной Африке, на территории которого сохранились древние наскальные изображения животных. 7. Город в Хорватии на юге Адриатического побережья Далмации. 8. Древний город на реке Припять в земле дреговичей. 11. Промежуточный слой, нанесённый на поверхность стены или холста. 13. Химический элемент IV группы периодической системы Менделеева. 14. Младший княжеский дружинник на Руси X–XI вв. 15. Город в Древней Македонии, у которого в 168 году до н. э. римская армия разгромила македонские войска царя Персея. 19. Сорт, качество. 21. Произведение М. Горького. 23. Известная гостиница в Москве. 24. Персонаж романа Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита». 25. Община верующих, принадлежащая к одной церкви.

По вертикали: 1. Произведение изобразительного искусства, состоящее из трёх частей и объединённое общей художественной идеей, темой или сюжетом. 2. Итальянский философ-пантеист и поэт, сожжённый инквизицией в Риме. 4. Советский композитор, народный артист СССР. 5. Христианская богослужебная книга, содержащая часть Нового Завета и Апокалипсис. 6. Персонаж романа Виктора Астафьева «Прокляты и убиты». 9. Немецкий физик-экспериментатор, основатель научной школы, Нобелевский лауреат. 10. Древний русский город, областной центр, в котором находятся Софийский и Воскресенский соборы и Спасо-Прилуцкий монастырь. 11. Русский историк, археограф, главный труд которого – «Деяния Петра Великого». 12. Выдающаяся балерина, народная артистка СССР, Герой Социалистического труда. 16. Владелец металлургических заводов на Урале. 17. Странник перенесения центра тяжести обороны на сушу, а не на море, во время третьего похода персов на Грецию (480–479 гг. до н. э.). 18. Плавучее сооружение. 20. Город на севере Италии. 22. Спортивные соревнования на специально подготовленных автомобилях или мотоциклах.

Ответы на кроссворд, напечатанный в № 3

По горизонтали: 1. Тальк. 7. Факир. 10. Юдашкин. 11. Пекарь. 12. Второе. 13. Стратег. 17. Намолот. 18. Обормот. 19. Реквием. 20. Зарянка. 21. Одиссей. 22. Хвастун. 26. Джером. 30. Откорм. 33. Эстражник. 34. Греммин. 37. Облако. 40. Галочка. 44. Цыганка. 45. Нахимов. 46. Макушка. 47. Побаска. 48. Пластик. 50. Критика. 54. Лоррен. 55. Утроба. 56. ...Гурилёв. 57. Шавка. 58. Регби.

По вертикали: 1. Типун. 2. Лукоморье. 3. Короленко. 4. Адат. 5. Яшма. 6. Бизе. 7. Футболист. 8. Коромысло. 9. Рдест. 13. Страх. 14. Рикша. 15. Твист. 16. Гомон. 23. Ветка. 24. Стадо. 25. Умник. 27. Жир. 28. Ром. 29. Мэн. 30. Око. 31. Кол. 32. Рак. 35. Енгибаров. 36. Ионосфера. 38. Бухгалтер. 39. Армстронг. 40. Гамак. 41. Локти. 42. Чешки. 43. Анапа. 47. Палаш. 49. Краги. 51. Раут. 52. «Таис». 53. Клён.

По горизонтали: 1. Один из лучших архитекторов, художников и дизайнеров, трудившийся над неповторимым обликом Московского метрополитена. 2. Полководец XVI в., участник Казанских и Ливонских походов Ивана Грозного. 7. Автор строк: «Не эти ли грабительством богаты? Защиту от суда в друзьях нашли, в родстве...» 8. Советский поэт, автор стихов о войне: сборники «Фляга» (1943) и «Переправа» (1945). 11. Крепость, под которой осенью 1700 года шведы разгромили русские войска, что побудило вскоре Петра I взять реванш. 13. Историческое название в XII–XVIII вв. территории юго-западного Приладожья (часть современной Ленинградской области). 14. Адмиралтейский советник, уличённый в заговоре против Петра I и казнённый им, в чьём доме разместилась первая в России кунсткамера. 15. Владелец и актёр частной оперы, для которой декорации выполнял А. М. Васнецов и где пел Ф. И. Шаляпин. 19. Создатель иконы «Иоанн Предтеча в пустыне» (XVII в.). 21. Крейсер русского флота, героически сопротивлявшийся японской эскадре у Чемульпо в феврале 1904 года. 23. Комплекс наук о возделывании сельскохозяйственных культур. 24. Устойчивое социальное объединение, которому свойственны определённые черты производства и собственности. 25. Русский актёр и театральный деятель, организовавший в Ярославле в 1750 году любительскую театральную труппу.

По вертикали: 1. Автор строк: «Говорят: умней они... Но что слышим от любого? Жомини да Жомини! А об водке — ни полслова!» 2. Арифметические ... 4. Древнегреческое народное собрание. 5. Игумен Печёрский, настоятель монастыря в Киеве, умерший в 1005 году. 6. Русский философ, один из первых представителей персонализма в России, издатель философских журналов «Философский трёхмесячник» и «Своё слово». 9. Монастырь Троицкого собора, созданный зодчим Осипом Бове. 10. Тверской купец, совершивший в 1466—1472 гг. путешествие в Персию и Индию. 11. Адмирал, герой обороны Севастополя, смертельно раненный на Малаховом кургане. 12. Самая знаменитая пьеса Н.В. Гоголя. 16. Усадебный ансамбль ХУ111 в., принадлежащий графам Шереметевым. 17. Название повести, с которой начинаются записки Печорина («Герой нашего времени»). 18. Организатор Русских сезонов в Париже (с 1907 г.). 20. Отвергнутые обществом люди. 22. В греческой мифологии один из величайших героев Троянской войны, сын царя Пелея и морской богини Фетиды.

Ответы на эрудит, напечатанный в № 3

По горизонтали: 4. Укроп. 8. Швея. 11. Жалейка. 12. Поп. 13. Спирт. 14. «Бесь». 15. Кошелев. 17. Несчастье. 19. Завтрак. 21. Ваал. 22. Чимароза. 23. Экзон. 24. Наос. 27. ...Юста... 30. Ибсен. 31. Ерёмченко. 32. Фитч. 33. Рубидий. 34. Антонович. 37. Стрелец. 38. Лиса. 39. Унтер. 40. Тля. 41. Хоронга. 42. Эльф. 43. Акбар.

По вертикали: 1. Закон. 2. Генерал. 3. Эклектика. 5. Кипсек. 6. Опричник. 7. Пот. 9. Вильегорский. 10. Язык. 16. Ислам. 17. Народ. 18. Цвингер. 19. Заморённость. 20. Мазаччо. 25. Обруч. 26. Гелиотроп. 28. Демон. 29. ...сквозняк... 32. Филемон. 33. Рибера. 35. Денга. 36. Алоз. 39. Ула.

Составитель: *Александр Ждановский*

Уважаемые читатели!

Оформить подписку на «Литературно-художественное приложение журнала «Смена» вы можете в редакции с получением по почте.

Заполните купон и оплате квитанцию в любом отделении Сбербанка, вышлите копию купона и оплаченной квитанции по адресу:

127994, г. Москва, ГСП-4, Бумажный проезд, д. 14, стр.1,

или по факсу: (499) 257-13-78, либо на эл. почту: sales@smena-online.ru

Подписка с учетом доставки на 1 месяц стоит 60 руб., на 3 месяца – 180 руб., на 6 месяцев – 360 руб.

КУПОН

Ф.И.О. _____

Дата рождения _____ Индекс _____

Обл./край _____ Район _____

Город _____ Улица _____ Дом _____ Корп. _____ Кв. _____

Код города _____ Телефон _____ Эл. адрес _____

Копия квитанции об оплате от _____ с отметкой банка прилагается.

Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ОАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		3010181060000000119
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044583119 (для юр.лиц)		Код ОКПО 11396455 (для юр.лиц)
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа		Дата
Подписка на журнал «Литературно-художественное приложение журнала «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ОАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		3010181060000000119
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044583119 (для юр.лиц)		Код ОКПО 11396455 (для юр.лиц)
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа		Дата
Подписка на журнал «Литературно-художественное приложение журнала «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир			

Андрей Рублёв в присутствии братии Андроникова монастыря во главе с игуменом Александром пишет образ Спаса Нерукотворного на западной стене Спасского собора.
Миниатора лицевого списка Жития Сергия Радонежского 1580-х – начала 1590-х гг.

Об Андрее Рублёве читайте на стр. 36

« Колокола звонили со сдержанной скорбью.
Постригалась в монахини не абы кто — мать
великого князя московского, великая княгиня Софья.
В звоне колоколов чудились ей иные звуки — райские.
Притомилась — 80 лет прожила, из них чуть ли не шесть
десятков в непрерывных государственных заботах, войнах
да иных скорбях великих...
С каменных плит Вознесенского монастыря в Кремле
встала уже не княгиня Софья, а смиренная инокиня Марфа.
Закончился мирской путь, теперь до Бога всего несколько
шагов осталось...»

Светлана **Бестужева-Лада** «Мать слепого князя»

« Среди множества замечательных художников столь
богатой на таланты эпохи раннего Возрождения
флорентинец Филиппо Липпи занимает достойное
место. Люди помнят его, а ещё помнят имя его любимой,
его Мадонны, ведь именно эта женщина — чистая,
жертвенная, преданная — вдохновила Липпи на создание
прекрасных картин, воспевающих Любовь и Красоту уже
более пяти столетий...»

Ирина **Опимах** «Мадонна Липпи»

« Жанна стояла как вкопанная и не могла выговорить
ни слова. Значит, сейчас там, рядом с ними, был
преступник...
— Богдан, он там... Мы были там, и он тоже! Господи,
я сейчас умру! Я ведь не чихала, думала, ты чихнул. А это,
оказывается, он! Но почему мы его не видели?
Чуть приоткрыв штору, они взглянули на Динин дом.
В окнах было темно, но на чердаке мелькнул слабый огонёк.
Мелькнул и тут же исчез...»

Наталья **Солдатова** «Вкус золота»